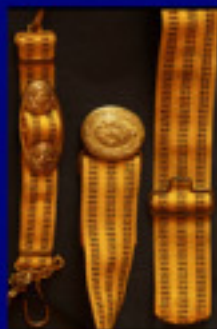

В. ТРОШИН

Любимцы
Богини

Владимир Трошин
Любимцы Богини

«Автор»

2009

Трошин В.

Любимцы Богини / В. Трошин — «Автор», 2009

Остросюжетный приключенческий роман о морях-подводниках.

© Трошин В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава I	5
Глава II	24
Глава III	35
Глава IV	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Трошин

Любимцы Богини

*«Служба на флоте детка, не служба, а приключение»
(Из разговора сержанта Кейси Райбака с молодой актрисой,
которая зарекалась никогда не путаться с музыкантами)*

Глава I

Лучи солнца под аккомпанемент стука колес, стреляющие в окно сквозь просветы деревьев, фотографическими вспышками выхватывали из утреннего полумрака пустые нижние места плацкартного купе, грязный пол с выдутым сквозняком, свалевшимся мусором и свисающий с верхней полки край одеяла. Одеяло принадлежало лежавшему под ним единственному обитателю этого купе, молодому человеку лет двадцати-двадцати пяти. Контур фигуры пассажира еще сохраняли черты безмятежно спящего человека, но рвущиеся внутрь световые потоки, уже разбудили его.

«Ну, вот и новый день!», – просыпаясь, равнодушно подумал, юноша. Не открывая глаз, он ухватился на ощупь за вешалку для полотенца, и повернулся к стенке, надеясь избавиться от надоедливых солнечных бликов. Вставать не имело смысла. Вагон поезда «Москва-Владивосток», в котором от самой Москвы «яблоку негде было упасть», после Улан-Удэ внезапно опустел, и проблема с постоянной очередью в туалет отошла на задний план. К тому же незаметно закончились деньги. Лежащий под подушкой последний червонец «кровь из носа» нужно приберечь на дорогу из Владивостока. Молодой человек вздохнул: самое большее, что он может себе позволить, это стакан чая у проводника. А впереди еще сутки дороги! Сейчас бы опять заснуть. Но сон не шел. Как всегда, в самый не подходящий момент, проводники включили радио и голос диктора из репродуктора, срываясь и хрипя, пропадая в атмосферных помехах начал что-то перечислять. Пассажир прислушался: «В первом полугодии 1984 года сдан в эксплуатацию ряд новых участков магистральных газопроводов протяженностью около одиннадцати тысяч километров. Досрочно введен в действие магистральный газопровод Уренгой-Центр-1. На Байкало-Амурской железнодорожной магистрали досрочно завершено строительство главного железнодорожного пути и открыто...». Что открыто, он не узнал. Радио внезапно выключилось. Но того, что оно успело сообщить, было достаточно для привыкшего к трудностям и лишениям человека, чтобы забыть унылую перспективу жизни на ближайшие сутки и вспомнить своего одноклассника по школе Пашу Кириллова, который после окончания железнодорожного техникума поехал на БАМ. «Это где-то рядом! Глухие, безлюдные места. Мошка, таежный гнус. Говорят, еще не женился. Наверное, у него кто-то есть. Без «солнышка лесного» здесь умрешь от скуки. Интересно, какая у него девчонка? Такая же, какие нравились ему в школе?». Он попытался представить ее, но вместо этого вспомнил свою девушку и события, не такого уж далекого прошлого. Чуть больше месяца отделяло его от тех дней, а кажется, пролетела целая вечность.

Очередной выпуск инженер-механиков флота. На Адмиралтейском проезде перед трибуной стройные шеренги молодых офицеров. Среди них он, лейтенант-инженер Бобылев Василий, выпускник факультета ядерных энергетических установок. Черное и белое – обрамленное золотом нашивок. В глаза отдает своей белизной еще не успевшая пожелтеть слоновая кость рукояток именных кортиков – старинного оружия морского абордажного боя. Сзади, за фигурной решеткой парка сплошной стеной родственники, знакомые и просто приглашенные. Только что закончил свои поздравления заместитель главнокомандующего Военно-морским

флотом. Аплодисменты сменились тишиной, в которой изредка слышатся отдельные негромкие голоса и щелканье затворов фотоаппаратов.

– К торжественному маршу! – раздается эхом от стен Адмиралтейства неестественно громкий голос заместителя начальника училища, и черно-белые коробки мгновенно повинуясь ему, поворачивают по направлению движения.

– На одного линейного дистанции, – линейные застучали каблуками с подковками, ударами прикладов карабинов, – равнение налево, шагом марш!

Качнувшись, сверкнули, холодом стали, лезвия палашей ассистентов знаменосца, медь оркестра, внимая первому шагу шеренг, ударила «Прощанием славянки». Из-за решетки парка под ноги молодым офицерам полетели живые цветы. Они падали на асфальт, покрывая его сплошным разноцветным ковром на всем пути движения парадных колонн.

После прохождения выпускников разобрали родственники. Курсантское братство, нерушимое все пять лет, распалось в один миг. Василий остался в одиночестве. Родители лейтенанта на выпуск не приехали. Скорее всего, проблема с деньгами. Бобылев понимал их, но все равно испытывал легкое чувство досады оттого, что он одинок и никому не нужен. Пройдет, думал он, и так дел невпроворот. Завтра нужно обязательно съездить к брату, который сейчас поступает в это же самое училище. На это ему придется потратить целый день: три часа езды на электричке с Балтийского вокзала, чтобы доехать только в один конец. Да и об отъезде из Ленинграда нужно подумать, хотя бы заранее собрать вещи.

Перекурив на одной из скамеек возле фонтана, лейтенант решительно направился в сторону КПП, лавируя между островками многочисленных родственников, собравшихся вокруг виновников торжества. Неожиданно чья-то рука обняла его сзади и прижала к себе. Василий спиной почувствовал жар пышной женской груди.

– Вася, ты, кажется, решил покинуть всех по-английски, – услышал он, без труда определив по голосу обладательницу уникального бюста. Знакомый голос принадлежал Ольге, жене однокурсника Жоры Жарикова, жизнерадостной полной блондинке. Жора женился еще на третьем курсе, а Оля была известна тем, что даже в течение рабочего дня могла по телефону контролировать местонахождение своего супруга. Звонки раздавались не только у дежурных по училищу, но и у начальников всех рангов, потому что Жарикова работала телефонисткой на главном переговорном пункте.

– Воспитанные джентльмены так не поступают, – продолжала она, – но мы с Георгием считаем, что в этом ты не виноват, просто с тобой нет дамы сердца. Познакомься, ее зовут Лена!

Не обращая внимания на напыщенную речь Ольги, Василий, аккуратно оторвав ее от себя, повернулся назад. Через ее плечо, на фоне струй фонтана он увидел смеющегося Жору, а рядом с ним высокую, светловолосую, в коротком платье на бретельках, девчонку с пунцово-красным лицом. По-видимому, нравоучительная тирада Ольги подействовала на нее больше всех.

– В чем дело Жора! – возмутился Василий.

– Не обижайся. Скажи лучше, что ты сегодня делаешь?

– Зачем тебе это?

– Не ершишь! Никто тебя не укусит, – влезла в разговор Ольга, – посидишь с нами в «Погребке»? Бобылев отрицательно покачал головой. Лукаво блеснув глазами, Ольга подтолкнула к нему Лену:

– Попроси его. Неужели он такой красавице откажет?

Василий взглянул на потупившую глаза, девушку. Девчонка действительно была хороша.

– Все Бобылев! Гуляем! Сбор в три часа у кафе! – почувствовав перемену в настроении молодого офицера, Ольга воспользовалась моментом. Жора поспешил объясниться. Обычная история. Чтобы отметить выпуск заказали места в «Погребке» на четверых. Должна была быть еще одна семейная пара. Как назло, в день выпуска у них заболел ребенок, и Жари-

ковы остались одни. Предприимчивая Ольга сразу нашла выход, пригласив в кафе двоюродную сестру, а, увидев возвращавшегося в Дзержинку одинокого лейтенанта, устроила весь этот спектакль. Честно говоря, Василий сам был рад такому стечению обстоятельств. Вещи можно будет собрать за час, а вот что делать одному целый день в опустевшем Адмиралтействе?

Время в «Погребке» прошло незаметно. Бобылев не жалел что попал в такую компанию, но чувствовал себя неловко. Ему пришлось ухаживать за Леной. Уж больно юной казалась девушка сидящая напротив. Она наотрез отказалась от вина, и краснела, когда Василий пытался заговорить с ней. Под нажимом Ольги, он несколько раз приглашал ее на танец. Лицо Лены заливалось красной краской, во время танца она тщательно следила, чтобы между ними сохранялось целомудренное расстояние.

У выхода из кафе Ольга опять озадачила его просьбой:

– Вася! Проводи девушку домой!

Стараясь показаться солидным, Василий предложил взять такси. Но Лена отказалась:

– Давайте пойдем пешком. Можно я возьму Вас под руку?

До дома Лены добрались не скоро. Ловя на себе любопытные взгляды прохожих, в синих сумерках последних белых ночей, встречая на своем пути, такие же, как и они пары, молодые люди не спеша прошли почти весь Невский. Наверное, со стороны это выглядело романтично. Молодой офицер в морской парадной форме, придерживающий болтающийся на бедре кортик и девушка, прильнувшая к его свободной руке. Уже почти триста лет, раз в году, в одно и тоже время, в витринах и окнах Невского проспекта отражаются эти притягивающие глаз молодые пары. Из века в век, меняя зеленые треуголки на белые фуражки, замысловатые шляпки на распущенные волосы, роскошные эполеты на скромные погоны, длинные робы на платья выше колен, покрасовавшись перед вечной толпой, они исчезают во тьме летней ночи, чтобы через год объявиться вновь! Куда они пропадают, и что с ними бывает потом?

На повороте на Лиговский они остановились, чтобы сесть на троллейбус. Незаметно перешли на «ты». Девушка рассказала о себе. Ей семнадцать, учится на третьем курсе политехнического техникума и живет с мамой и бабушкой. У дома немного постояли. Лена пригласила домой на чай, но он отказался. Все-таки ему двадцать два года, а Лена несовершеннолетняя. Как посмотрят на это ее домашние? Прощаясь, Лена спросила, когда он уезжает. Василий замялся, не зная, что сказать. Билет он еще не брал, потому что не знал, как быстро рассчитается с училищем. Тогда девушка достала из своей сумочки листок бумаги и косметический карандаш. Что-то, написав на листке, она вложила его в нагрудный карман тужурки Василия, стыдливо чмокнула его в щеку и стремительно исчезла в подъезде дома. Смущенный Бобылев, придя в себя, достал торчащий из кармана белый квадратик. В тусклом свете освещающей подъезд лампочки, прочитал: «Перед отъездом обязательно позвони 2-99-39-16. Я буду ждать. Лена». Лейтенанту стало смешно: «Вот она скромность юных недотрог!».

На следующий день, в электричке, он уже не думал о вчерашнем вечере. Мало ли чего можно ожидать от ленинградских барышень. Голова была поглощена мыслями о брате. Василий с уважением относился к нему. Еще бы, иметь такой сильный характер! В прошлом году Виктор, после окончания школы уже пытался поступить в училище, но не прошел по конкурсу. Вите только что исполнилось пятнадцать, поэтому приемная комиссия решила, что он еще может подождать. Целый год, работая учеником фрезеровщика, он одновременно учился на подготовительном отделении местного педагогического института. И добился своего. Василий узнал об этом от своего командира роты. Незадолго до выпуска, командир роты вызвал его в канцелярию и сообщил, почему-то покачивая головой: «Братец-то твой поступил! Такой же настырный как и ты!».

– Через пять минут закрываю туалеты, санитарная зона, – голос проводника вернул его к реальности.

«Наверное, Хабаровск», – решил Василий, рывком сбрасывая худое и мускулистое тело с полки. Поезд сбавил ход, и в окне медленно поплыли коричнево-ржавые фермы железнодорожного моста. Василий прильнул к стеклу. С высоты открылся вид на Амур. Прямо под пролетами моста буксирчик тянул баржу, а видимый песчаный берег, несмотря на раннее время, уже был усеян отдыхающими. Василий инстинктивно почувствовал, как он завидует обладателям этих загорелых тел. Между тем, живописный вид на несколько минут сменился мраком туннеля, выйдя из которого состав долго полз в паутине рельс сортировочной станции. Наконец, лязгнув тормозами, поезд остановился. Бобылев, подождав, когда разойдутся ехавшие до Хабаровска, пассажиры, спустился на пустой перрон, чтобы размять ноги. Здания вокзала не было видно. С обеих сторон стояли составы, над которыми возвышался переходной мост. Несмотря на получасовую стоянку, он благоразумно решил не отходить далеко от своих вещей. Недолго походив по перрону вдоль состава, Василий прошел в вагон. Его мысли опять вернулись в прошлое...

Витя не скрывал своей радости от встречи с братом. Едва увидев его, он бросился навстречу.

– Молодец, что приехал! – простывшим хриплым голосом повторял он, хлопая брата по спине. – Васька! Оказывается ты известная личность. Меня постоянно спрашивают, кем я прихожусь тебе! Знаешь, как приятно, когда начальство знает, кто твой брат.

Град вопросов посыпался на Василия:

– Куда получил назначение? На Север или ТОФ? В Приморье??? Что, нельзя было выбрать место лучше! На какой проект? Когда уезжаешь?

Виктору было приятно разговаривать с близким человеком. Василий прекрасно понимал его. Пять лет назад он сам прошел эту школу. Больше месяца не видеть родных, каждый день испытывать на себе лихорадку подготовки к сдаче вступительных экзаменов и вести аскетический образ жизни, любое нарушение норм которого было чревато отчислением. Это мог выдержать не каждый. Кандидаты в курсанты жили практически под открытым небом в больших палатках, с установленными прямо на песок койками. К экзаменам готовились здесь же. Тонкие солдатские одеяла не спасали от прохлады балтийских ночей. Да и кормили не очень. За глаза еду называли «баландой». Всякое лезет в голову, когда не можешь заснуть от холода и голода, а в ушах стоит противный комариный писк! А караулы, когда тебя с одним штык-ножом, оставляют охранять никому не нужный штабель дров в глухом финском лесу! Несмотря на это, конкурс на поступление в училище никогда не уменьшался и составлял не менее 11–14 человек на место. Сдавших экзамены абитуриентов продолжали отчислять за малейшую провинность без всякого сожаления.

Разговорились часа на два. Василий, понимая состояние брата, как мог оттягивал свой уход. Витька догадался. Переживая за него, он поторопил:

– Хватит травить. Опоздаешь на электричку!

Прощаясь, Василий протянул брату сложенный пополам червонец:

– Возьми, пригодится!

Приехав в Дзержинку, Василий долго не мог прийти в себя. Не помогли почти полпачки «Аэрофлота», которые он выкурил, прогуливаясь в опустевших коридорах общежития пятого курса. Перед глазами стояла худая, чуть сутуловатая фигура Виктора, отчего жалость к брату волнами подкатывала к горлу. Что ждет его впереди!

Утром старый баталер дядя Саша, впервые был нетребователен к нему, и Бобылев быстро рассчитался. К обеду получил в отделе кадров все необходимые документы. Попутчиков не было. Женатые выпускники не спешили уезжать, а каждый из холостяков имел свой, отличный от других план. На выходе из парка лейтенант оглянулся. У фонтана визжали дети. В проходе на адмиралтейский проезд, рядом с кариатидами, на фоне кованых металлических ворот виднелась одинокая фигурка дежурного по КПП. В груди защемило. За пять лет этот вид стал

родным. Теперь он здесь чужой! Василий поднял голову выше. Кораблик, на шпигеле Адмиралтейства, позолоченным форштевнем указывал на Невский проспект. Неизвестно откуда это пошло, но считалось, что такое направление кораблика сулит удачу.

Билеты, несмотря на летнее время, удалось приобрести без каких либо затруднений. Пусть не на «Красную Стрелу», а всего лишь на дополнительный пассажирский поезд. От этого он был только в выигрыше! Время пересадки в Москве – чуть больше двух часов! Лучше лишний час провести в поезде, чем целый день сидеть на грязном Павелецком вокзале или бесцельно слоняться по столице.

До отправления поезда оставалось почти три часа, и чтобы не быть «связанным по рукам и ногам» вещами, лейтенант решил сдать, успевшие уже надоесть тяжелый чемодан и большую черную сумку в камеру хранения. На дальнем перроне для электричек выбрал самую последнюю скамейку. Все! Уставший от перегрузок выпускных дней мозг наслаждался отсутствием всего того, что было до этого. Просто хотелось сидеть и ни о чем не думать!

– Молодой человек, Вы, кажется, надолго уезжаете? – Василий вздрогнул от неожиданности. Слева от него сидел неизвестно откуда появившийся благообразный старичок. Старомодная соломенная шляпа, трость с набалдашником, седая борода клинышком, очки-велосипеды. Такими изображали в фильмах 30-х годов чудаковатых ученых-академиков. Когда он только успел подсесть?

– Вы кое с кем забыли попрощаться! Нехорошо, молодой человек! – с укором произнес старичок.

«Чего это он! Сам с собой разговаривает что ли? – подумал Василий, решив пересесть на другую скамейку. – Ненормальных ему еще не хватало!» Потом понял, что фраза относится к нему. Волна возмущения поведением старика, не успев подняться внутри него, быстро осела: «А ведь он прав! Меня просила позвонить Лена». Он встал, и, не ответив ему, медленно пошел к началу перрона, туда, где стояли телефоны-автоматы. Наборник отскрипел набранные цифры и двушка глухо звякнула где-то внутри корпуса телефона.

– Алло! Вам кого? – спросил звонкий женский голос.

– Здравствуйте! Лену можно? – собравшись, выдал из себя Василий.

– А кто ее спрашивает?

– Знакомый..., – опять с трудом произнес он.

– Наверное, это тот молодой офицер, из-за которого она ревмя ревет вторые сутки подряд. Интересно бы посмотреть на него! – иронично заметили на другом конце провода. – Сейчас позову!

– Вася! Ты? – раздался радостный девичий голос. Это была Лена.

– Здравствуй! Почему ты так долго не звонил?

В голове мелькнуло: «Разве один день это много?». Но, вовремя поняв свою вину, промямлил:

– Извини, так получилось. Здравствуй!

– А ты откуда звонишь? – опять спросила она. Пришлось признаться, что он на Московском вокзале и до отхода поезда еще почти три часа.

– Я сейчас приеду, встретимся у главного входа, никуда не уходи, жди меня там! Я уже еду, – услышал Василий.

Идя к месту встречи, он обернулся. Скамейка, на которой он оставил старичка, была пуста. А был ли он вообще?

Не прошло и двадцати минут, как он увидел знакомый силуэт на переходе от станции метрополитена к вокзалу.

– Здравствуй! – она протянула руку. Притягивающее юной красотой лицо в обрамлении светлых, до пояса, распущенных волос. Тонкий шелк зеленого в горошек, под цвет глаз, платья, туфельки на высоком каблучке и свисающая с плеча модная лакированная сумочка, под-

черкивали совершенство фигуры. Золотой кулончик сердечком в такт ее учащенному дыханию вздрагивал на маленькой груди. Перед ним стояла не просто симпатичная девчонка, а красивая девушка.

– Я думала, что ты не позвонишь. Скажи честно, ты хотел уехать, не попрощавшись со мной? – спросила она. Светившееся откровенной радостью лицо, испортила гримаса плача, из глаз брызнули слезы. Василию стало стыдно. Он действительно мог уехать не попрощавшись. Пытаясь ее успокоить, Бобылев инстинктивно прижал девушку к себе и, глядя свободной рукой пряди золотых волос, забормотал вдруг откуда-то взявшиеся слова:

– Не надо, все хорошо, мы вместе.

Неизвестно сколько бы они так стояли, но по мере увеличения количества, косящихся на них прохожих в нем начал созревать внутренний протест: «Этого еще не хватало!».

Словно почувствовав перемену в настроении Василия, Лена отстранилась от его груди.

– Извини, сорвалась, – прошептала, всхлипывая, она.

– Ничего страшного, со всеми бывает. Что мы тут стоим? Я знаю одно неплохое местечко, где можно спокойно посидеть до отхода поезда, – предложил он. Василий солгал. Он был там всего один раз, уезжая в отпуск. Им повезло. Кафе было пусто. Они сели за столик. Выплывшая из подсобки полногрудая официантка в белых накрахмаленных переднике и кокошнике молча протянула меню.

– Что будешь? – спросил он.

– Ничего! – скромно ответила она.

– Тогда, – обращаясь к официантке, произнес Василий, – бутылочку сухого и два по сто пятьдесят пломбира с ликером!

– Мне просто мороженое, – поправила Лена.

Официантка отметила заказ в своем блокнотике и незаметно растворилась в глубине зала. Молодые люди долго сидели, рассматривая узоры на скатерти. Молчание нарушила Лена. Она стала расспрашивать его о том, что он делал все эти дни. Между расспросами девушка срывающимся голосом рассказывала, как ждала его звонка и как переживала, что он уедет, не простившись с ней, и она больше никогда, никогда не увидит его. Василий, стараясь не прерывать ее, коротко отвечал, и ему становилось неловко оттого, что он видит с каким вниманием еще недавно, совершенно чужой человек, прислушивается к каждому сказанному им слову, пытливо вглядывается в лицо.

Они могли разговаривать целую вечность, если бы это отдалило миг расставания. Никто даже не притронулся к давно стоящему на столе вину и мороженому, пока Василий не посмотрел на часы:

– Лена, мне пора, давай за будущую встречу и за отъезд!

Потом были разговоры на перроне. Он обещал писать и обязательно приехать к ней в свой первый отпуск, а она ждать его. На прощание Лена по-детски застенчиво поцеловала его в губы. Василий запомнил ощущение этого поцелуя, горячего и солоноватого от нескольких слезинок, прокатившихся по щекам Лены.

Всю дорогу домой странное прощание не давало покоя. Даже пересадка в Москве прошла незаметно. Василий был взволнован. Чем-то подкупила его эта девчонка! Чем? Разве в Ленинграде мало таких симпатичных, светловолосых, голенастых? И до Лены, девушка у Бобылева была. Студентка медицинского института. Еще свежи были воспоминания, когда он, провожая ее домой, забывал обо всем, каждый раз наказывая себя за это долгим стоянием холодной весенней ночью у разведенного пролета Кировского моста. Но с ней он расстался за два месяца до выпуска. Не сошлись характерами. Чем дольше они узнавали друг друга, тем реже для Василия загорался над ее головой яркий нимб восхищения, вспыхнувший в первый день знакомства. А когда девушка стала намекать на женитьбу, он окончательно потух. Может и с Леной будет также? Но что-то внутри него, подсказывало, что с ней все будет по-другому! И

это что-то вызывало чувство страшного одиночества, заставляя грустить и переживать о том, что ее нет рядом с ним.

Таких как он, холостых и не определившихся с женитьбой, было всего человек пять из двадцати четырех в классе. Почему не женился Василий? Трудно сказать! Может, в этом были виноваты рыцарские романы Вальтера Скотта, которыми он зачитывался в детстве? Наделяя свою воображаемую избранницу высокими чертами характера героинь книг знаменитого шотландца, Бобылев не мог найти такую в реальной жизни. Наверное, свою роль сыграло и то, что в детстве, в отличие от своих сверстников, Василий никогда не ходил в детский сад, если не считать одного дня. В садике было интересно, но он не мог бросить своего друга, Саньку Перепелкина, которого родители в садик устроить не смогли. Отец и мать, устав от крика и слез, пошли ему навстречу и оставили среди товарищей. Пока Бобылев гонял по улице, мальчики из детского сада, садясь на горшки по команде воспитательницы рядом с девочками по группе, усваивали простую истину о том, что смешные создания с косичками сделаны из того же материала, что и они. Повзрослев, они особо не церемонились, оставшись с ними наедине, зная, что девушки хотят того же, что и юноши, только скромничают.

В училище женатых абитуриентов не брали. Но после того, как был зачитан приказ о поступлении, выяснилось, что такие люди в роте есть. Володя Титаренко поступил в училище по рекомендации отряда юных космонавтов. Как оказалось, у юного космонавта уже двое детей. Свадьбы на втором и третьем курсах стали обыденным явлением. На пятом курсе марш Мендельсона звучал не смолкая. Бракосочетались самые опытные и практичные. И с той, и с другой стороны. Ленинградские девицы, да и их родители спешили окольцевать без пяти минут лейтенантов, не без основания подозревая, что, отпустив их одними на флот, могут не дожждаться совсем. Будущие тесть и теща присматривались к приглянувшемуся дочке пареньку в форме, с третьего или четвертого курса. И уже с полгода, поверив в него, как говорится, взяли в семью. Почти живет у них. Пусть он не из Ленинграда. Но есть гарантия, что приличный молодой человек. На полном государственном обеспечении. Да и офицера жена, это не жена инженера или какого-нибудь банковского служащего. Поохав для приличия, с выбором сына соглашались родители. Самое главное: не сопьется на флоте! Многие находили в этом еще ряд преимуществ. Не придется долго скитаться по кораблям. Двери многочисленных ленинградских военных приемок и конструкторских бюро всегда открыты для офицеров, имеющих жилье в городе. На время теща приютит, а там и квартиру получит! И лишь немногие родители, глядя на молодых, просто думали: «Какие Вы молодые, красивые и счастливые. Совет Вам да Любовь!».

Бобылев о браке и тем более о его преимуществах никогда не задумывался. Он был выше меркантильных интересов своих одноклассников и их родителей...

Снизу послышались голоса. Двое крепких мужиков средних лет, неторопливо переговариваясь, размещали на нижних местах свой багаж, на котором болтались аэрофлотовские бирки.

«Хабаровск полчаса назад проехали, остановок не было, откуда они?» – задался вопросом Василий.

«Скорее всего, опоздали, сели в последний вагон, а потом тащились через весь состав. Что им нужно в моем купе, вагон-то пустой?» – с раздражением подумал он и отвернулся к стенке.

Что было еще? Встреча с родным городом. Когда-то на его месте были поселения древних вятичей, самых необузданных и свободолюбивых славян. Киевским князьям, потребовалось несколько десятков лет, чтобы покорить их. На их землях, на границе леса и «Дикой степи» заложил былинный князь Владимир сторожевой город для защиты земли Русской. Построенный на пересечении торных дорог набегов кочевников, Моравском, Изюмском и Кальмиусском шляхах он первым встречал направлявшиеся в русские земли кочевые орды. Столетиями волны степных кочевников: торков, берендеев, печенегов, половцев, татар и ногаев, сменяя

друг друга, накатывались на его стены, оставляя за собой пепелища посадов, изуродованные тела защитников. Не каждый мог стать жителем сторожевого города. Только удалыцы, бесшабашные головы могли противостоять повседневным опасностям. Где их наберешь? Поэтому ворота города всегда были открыты тем, кому нечего было терять – беглым холопам, отчаянным и лихим людям. Вора́м, как их называли в те времена. Это они, с весны до осени, пропадали в степи, карауля врага. Столбы дыма и свет огня, зажженных ими костров, передавая эстафету от сторожи к стороже предупреждали город о появлении конных разъездов степняков. Заметив вспышки костров, в городе поднимали тревогу и отряжали гонцов в другие городки для сбора войска. Русские конники ураганом налетали на успевших взять полон степняков, рубили их и освобождали пленных. Но чаще сил не хватало. Защитники города понимали, что они должны погибнуть, но во что бы то ни стало задержать врага. Так было, когда город осадили несметные полчища эмира Османа, коварного и умного полководца беспощадного азиатского владыки Тамерлана. В Москве уже надеялись только на Бога, день и ночь ходили крестным ходом вокруг Кремля. Сдайся город, не выиграй он своим сопротивлением нескольких суток, неизвестно, существовало бы дальше нарождающееся Российское государство. Через несколько дней захватчики стерли с лица земли маленький городок, но время было выиграно. Гонцы принесли завоевателю неутешительные вести. Тамерлан повернул назад.

После каждого такого набега город отстраивался заново, заселялся новыми жителями. Только к концу восемнадцатого века, когда Россия покорила Крым, закончилась его трудная, полная бесчисленных жертв служба.

Каждый приезд в родные места переживался Василием заново. В не чуждой сантиментам душе лейтенанта, этим событиям отводилось особое место. Несмотря на то, что поезд приходил почти в семь часов утра, он вставал очень рано, часа в четыре, и все это время неотрывно стоял у окна в пустом коридоре вагона, стараясь не пропустить ни одной приметы приближающейся желанной встречи. Наконец, внизу медленно проплывает с застывшими над водной гладью фигурками рыбаков стальная в лучах утренней зари, лента реки. Домов почти не видно. Они скрыты зеленью деревьев, среди которых там и здесь розовеют кирпичом полуразрушенные стены многочисленных церквей, над которыми возвышается белокаменной статью единственный действующий в городе Вознесенский собор. Из-за ограды храма виднеется маковка древней часовни, построенной на месте захоронения воинов, защищавших город от орд Тамерлана.

«Вон там, за поворотом, дорога к моему дому, от берега всего минут десять», – и в голове мысленно оживает все то, что стало ему близким за годы детства. Родной город всегда встречал тишиной, непривычной для жителей больших городов. Вот он, жадно вдыхая, как казалось ему, особенный, только здесь бывающий воздух, неторопливо идет по улице, знакомой от самого большого дома до самого мелкого камушка. В рабочий день улица пустынна, и постороннему может показаться, что никому до него нет дела. Но Василий знает, там, в глубине этих деревянных и кирпичных домиков, в полумраке комнат с низкими потолками, через окна, с покосившимися и почерневшими от времени резными наличниками, следят за ним слезящиеся глаза доживающих свой век стариков и старух. Не перечислить всего того, что они видели за свою долгую жизнь. Может быть, это новоселья в только что срубленных домах новой улицы, пьяные куражи мастеровых с «чугунки» по выходным, кумачовый разгул обеих революций. А может, это хмельные и нагловатые физиономии казаков Мамонтова, поящих своих коней возле колодца, которого давно уже нет, жуткая казнь красного комиссара, привязанного ими к пущенным вскачь лошадям, суровые будни первых пятилеток. Их память сохранила черный раструб репродуктора, вещающего голосом Молотова о вероломном нападении фашистской Германии, немецкого солдата, прикрывающегося ребенком от штыка нашего пехотинца, дикие, непрекращающиеся бомбежки, безумную радость победы. Все было: и послевоенный голод, и триумф полета Гагарина. А сейчас видят его: «К Нинке Бобылевой старший сын приехал!».

Вот и родной дом! Калитка ворот закрыта на засов. Стучит в окно. Неужели никого нет? Дергается занавеска. От сердца отлегает. Через секунду в окне мелькает растеряннорадостное лицо матери:

– Сейчас, сейчас открою!

Скрипит дверь калитки, и мать обнимает его.

– С приездом! – говорит она и, вытирая выступившие скупые слезинки, ведет его в дом.

«Как сильно она постарела! Или он раньше этого не замечал? Ничего в доме не изменилось. Только вот новые дорожки на полу».

– Это на 8 марта, на премию, – заметив его взгляд, говорит она и сразу добавляет, – как Витя, ты видел его?

«Боже! Как она его любит, если даже забыла сказать где отец!» – немного с обидой думает Василий. Если ему, старшему, в детстве только изредка доставались материнские ласки, то младшенький Витя был ее любимцем.

– Да, я был у него. Он поступил, сейчас достану письмо, – Василий наклоняется над чемоданом. Но мать останавливает:

– Потом, иди, умойся, переоденься, а я на стол накрою.

Не успевает Василий заправить лезвие в бритвенный станок, как слышит:

– Садись, пока борщ не остыл.

На столе уже дымится малиново-багровая с белым сметанным пятном тарелка борща, желтеет, накрытая котлетой, величиной с кулак, вареная картошка, горкой краснеют соленые помидоры, а из хрустального запотевшего графина просится в стакан рубиновый вишневый компот. Василий так явственно представил себе эту картину, что обманутый им пустой желудок гневно заурчал в ответ, а рот, предвкушая несуществующие яства, наполнился слюной.

– Ну, ты, наверное, уже взрослый, тебе можно, – говорит мать и достает из холодильника запотевшую поллитровку. Василий знает, как отрицательно она относится к крепким напиткам. Все это только ради него. О том, что Виктор поступил, родители уже знают, мама показывает ему телеграмму.

– Ну, расскажи еще, как он там? – просит она. И только выведав все, что он знает о младшеньком, спрашивает:

– Жениться-то еще не решил? А то может, окрутила какая питерская?

– Да нет мам, рано мне еще ..., – смущаясь, успокаивает ее Василий. Мать рассказывает, почему не приехали на выпуск. Собрались вместо деревянной веранды кирпичную пристройку делать, а на кирпичи нужны большие деньги. Василий узнает о друзьях-одноклассниках:

– Остался ты один-одинешенек, переженились все.

Наконец приходит с ночной смены отец. Обнялись. Подняли стопки за приезд. Разговор продолжился. Снова пришлось рассказывать о брате. Потом втроем идут в сад. Отец показывает посаженные им яблоньки, которые в этом году должны дать первый урожай, рассказывает, где и как он покупал саженцы клубники и помидоров. Чтобы не обидеть отца, Василий, дымя сигареткой, делает вид, что ему это очень интересно, а сам думает про совершенно другое: «Как здесь хорошо! Почти как у Сереги Есенина – «тихое счастье, окнами в сад». Бросить все к «чертовой матери» и никуда не ехать». Расспросив обо всем, что их интересовало, родители наперебой начинают рассказывать о родне. Потом просят надеть лейтенантскую форму. Мать с интересом оглядывает его со всех сторон, взяв под руку, смотрится с ним в зеркале и просит:

– Сходи завтра в форме к бабушке, она очень будет рада.

Василий сначала отнекивается, но все же уступает ее настойчивым просьбам. Чего-чего, а привлекать к себе внимание он не любил. Что значит форма морского офицера на улице города в глубине России, где каждый второй мальчишка в детстве мечтает быть моряком! Это значит, что каждый встретившийся будет таращить на тебя глаза. Но посещение родственников – это святое.

Последующие дни отпуска были также посвящены хождениям по родственникам. У мамы их много. Это родные и двоюродные сестры, братья, тети и дяди. Кроме этого, целый день был отдан посещению старинного городского кладбища, на котором похоронены дед и крестный Василия – дядя Сергей.

Написал два письма Лене, два раза звонил ей с переговорного пункта и, наконец, получил тоже два письма. В одном была фотография. На обратной стороне она написала: «Очень скучаю. Лена». Письма были бесхитростные, чувствовалось, что их автор стеснялся выражать свои чувства. Но каждое прочитанное слово вызывало в нем чувство умиления и восторга. Он бесконечно перечитывал их, каждый раз находя в словах новый, как казалось ему, скрытый, только ему понятный подтекст. От матери не укрылось, что с сыном что-то не то. На соседских девиц не смотрит, все время о чем-то думает. Как-то попросила:

– Ну, фотографию-то питерской, покажи!

Смущаясь, Василий достал спрятанную на полке книжного шкафа фотографию. Мать долго смотрела, потом сказала:

– Интересная! Только смотри, молодые все такие! Ты не думай! Я это просто так.

Пытался помогать родителям в уходе за птицей и двумя кабанчиками, но мать категорически запретила:

– Что соседи подумают! Ты же офицер!

Июль был прохладным и понежиться, на речном пляже ему не удалось, но в реке купался в свое удовольствие. Рано утром, еще до того как вставали на работу родители, он, прихватив полотенце, на цыпочках, стараясь не шуметь, проскальзывал в калитку и шел по пустынной улице к берегу реки. Там, размявшись, разгоряченный упражнениями, пробежав по берегу метров пятьсот против течения, на быстрине бросался в прохладные струи и плыл вниз.

Отец, насмотревшись, как он изнывает от скуки по вечерам, как-то положил на стол перед ним пакет из старых, пожелтевших от времени газет:

– Посмотри, может что интересное!

И пояснил:

– Менял лист железа на крыше и под балкой нашел!

В пакете лежали: «Введение в акушерство и гинекологию» – 1946 года, «Строевой Устав РККА» – 1939 года, «Выведение новых культурных сортов плодовых деревьев и кустарников на Севере» И.В. Мичурина – 1915 года издания и «Курс русской истории» В.О. Ключевского, изданный в 1906 году Московским Государственным Университетом. Как и почему такие разные книги оказались вместе?

С трудом, привыкая к «ятям» и «ижицам», Василий начал с Ивана Владимировича Мичурина. Не нужно думать, что он был заядлым садоводом, и его интересовали все эти «прививки», «менторы» и «подвой». Его интерес к книге был подогрет отголосками событий двухлетней давности. Тогда, в Москве, находясь в компании знакомых одноклассника Сережи Коробицына, он серьезно, чуть не до драки, поспорил с его другом, студентом Тимирязевской Академии. Случилось так, что за застольем возникла тема культа личности Сталина. Друг Сергея, претендующий на лавры диссидента (Василий это понял, когда увидел у него в туалете, лежащий для известных нужд томик избранных произведений Л.И. Брежнева), неожиданно завел разговор о разгроме генетики в Советском Союзе. При этом он обвинял не только Сталина и Лысенко, но и Мичурина, называя его «сталинским холуем». Василию тогда было очень обидно, что он ничего не знает об этом деле. Но он был уверен, что человек, выведший более трехсот сортов новых культурных растений, результатами трудов которого, пользуется все человечество, не заслуживает подобных оскорблений. Тогда, Серега с трудом их разнял. Уже прочитав предисловие, Василий окончательно убедился в правоте своих мыслей. Иван Владимирович, был уверен в своих взглядах еще задолго до того, как узнал о существовании Сталина и Лысенко, и умер в 1937 году, когда генетиков еще никто не преследовал.

Книги по истории были страстью Василия. Правда, Ключевского он никогда не читал и ничего о нем не слышал. В школе говорили о Татищеве, Карамзине, но про этого историка – ничего. Приступив к чтению, он понял с первой страницы, что эта история России совсем не такая, какую давали в школе. Словно с нее, как со сверкающей безделушки, сняли весь лак и позолоту, обнажив грубую суть. Встречая на страницах книги упоминания о своем городе и его жителях, Василий чувствовал, как для него стираются временные рамки и ограничения, и он вдруг начинает понимать поступки и дела соотечественников, как непосредственный участник этих событий. Ему стало понятно, почему центральный и кооперативный рынок, забыв истинный смысл, горожане уже полтора века называют «мужским» и «женским». Эти названия сохранились с того позорного периода истории России, в котором существовало крепостное рабство. На «мужском» рынке продавали крепостных рабов мужского рода, а на «женском» – разлученных с ними, жен и детей. Известно стыдливое признание Петра I, о том, что крепостных продают: «Яко скотов, чего во всем свете не водится». пытки, которым подвергала своих крепостных Салтычиха, повергли в ужас даже императрицу. А что творилось в глухих местах России? Какие человеческие трагедии разыгрывались в «дворянских гнездах», кроме тех о которых он знал из истории и художественных произведений? Бобылев никак не мог понять, как великий народ, впервые заявивший о своей свободе на Куликовом поле, покоривший за неполных сто лет пространство от Урала до Тихого океана, вышедший победителем из многочисленных жестоких войн, позволил закабалить себя!

Ему представилась картина горящей помещичьей усадьбы. Языки пламени выхватывают из темноты фигуры вооруженных вилами и топорами крестьян. Двое казаков волокут упирающегося, со сбитым на бок париком, барина и бросают у его ног.

– Где Лена! – спрашивает грозно он. Барин хватается за ноги:

– Не губи, все отдам.

Василий не сохранив равновесие, падает и кто-то из казаков, почти вплотную приблизив к нему, украшенное роскошными запорожскими усами лицо, кричит:

– Вставай парень, вставай!

Василий хочет встать, но не может. Лицо казака ему кого-то очень сильно напоминает, он пытается вспомнить и просыпается.

В нос ударяет острый запах еды. Перед ним смеющееся лицо одного из попутчиков, только что виденное во сне:

– Хватит спать, присоединяйся к нам, командир!

Василий свесил голову вниз. На столике, накрытом газетой, бутылка минералки, в окружении нехитрой еды, состоящей из рыбных консервов, колбасы, сыра, каких-то, явно домашнего приготовления, пирожков и громадного шмата сала.

– Не надо церемониться! Мы сами попадали в такие ситуации, когда хоть караси жуй! – советует второй попутчик, скрытый в полумраке нависшей над ним верхней полки.

«Откуда они знают, в какой я ситуации? – насторожился Василий, но все же спустился вниз. С трудом нашел полотенце:

– Я сейчас! Умоюсь и вернусь!

От продолжительного сна голова плохо работала. Только резкий запах туалета, и холодная вода окончательно разбудили его.

«Ничего себе! За окнами уже темно!», – это значит, он пролежал на койке как минимум часов шесть.

Когда Василий вернулся, то с удивлением обнаружил, что попутчики ждут его, никто к еде не приступил.

– Давай знакомиться! Петро! – с каким-то непонятным акцентом, сказал тот, что с запорожскими усами, и протянул руку. Ладонь его руки была шершавая и мозолистая, а рукопо-

жание таким сильным, что Василий с трудом сделал вид, что не чувствует боли. Такие руки обычно принадлежат людям, постоянно занимающимся тяжелым физическим трудом.

– Не пугай людей Петя, – посоветовал второй и тоже представился, – меня зовут Николай. – Не стесняйся, садись к окну! Василий назвал себя и расположился на удобном месте у окна.

Увидев, что он сел, Николай, с серьезным видом оглядев всех, произнес:

– Сегодня у нас два важных события, знакомство с Василием и встреча утром с Володией.

«Какой еще Володя? – с недоумением подумал Василий, но благоразумно промолчал. – Может еще, кто подсядет!».

– Знакомство мы отметим хорошим армянским коньяком! – объявил Николай, доставая из-под стола подарочную коробку, на которой была нарисована бутылка дорогого пятизвездочного коньяка. Пока Николай открывал бутылку и разливал ее содержимое, Василий успел разглядеть попутчиков. Николай, худой, с интеллигентными усиками и аккуратным пробором прически и угловатый, с торсом штангиста – тяжеловеса, как будто сошедший с известной картины Репина «Казаки пишут письмо турецкому султану», Петр. Объединяла их только одежда, да и то только потому, что у обеих она была иностранная и пестрела разноцветными лейблами. Видно было, что это не простая подделка, а настоящая «фирма». На этом сходство заканчивалось. Если на Петре дорогой костюм с крикливым, явно не подходящим к нему и рубашке желтого цвета разноцветным галстуком с пальмами сидел мешковато, то Николай как будто родился в джинсовом костюме «Levi Strauss» с модной, японской рубашкой стиля «апах».

«Кто они? Аферисты дорогой коньяк на стол не поставят. Чего с него возьмешь! Простым людям на такую одежду и коньячок не потянуть. Остаются моряки. Гражданские моряки, которые ходят в загранку!» – немного поразмышляв, решил Василий.

Алкоголь почти мгновенно ударил в голову и разлился теплом по всему телу. Наверное, сказались сутки вынужденной диеты.

– Не стесняйся! Здесь все свои! – почти в один голос напомнили ему попутчики, видя, как он, нерешительно управляется с вилкой.

Бобылев угадал. Он действительно встретился с гражданскими моряками. Только не из Владивостока, а из Одессы. Николай – начальник радиостанции, а Петр – простой рулевой-моторист. Вместе со своими товарищами они должны были сменить во Владивостоке экипаж сухогруза Одесского морского пароходства, который больше года находился в рейсе. С билетами на один рейс самолетом до Владивостока не получилось, поэтому добирались, как могли. До Хабаровска самолетом, а дальше – поездом. А когда проводник сказал им, что в вагоне едет какой-то моряк, они решили что это один из их товарищей. Надо отдать должное их интуиции и такту, они сразу поняли, в каком положении находится Василий.

Стало понятно, откуда незнакомый акцент. Оба, и Петро, и Николай родом с западной Украины.

О себе Василий особо распространяться не стал. Сказал, что едет служить на дизель – электрических подводных лодках. Ложь оправдывалась тем, что в училище все касающееся атомных подводных лодок проходило под грифом «Совершенно секретно», и выпускники давали подписку о неразглашении государственной тайны. Правда, злые языки утверждали, что в английском морском справочнике «Джейн» без всякого грифа можно найти тактико-технические данные на любой советский атомоход.

От очередной рюмки Василий вежливо отказался:

– Завтра у меня очень тяжелый рабочий день!

Попутчики настаивать не стали:

– У нас тоже!

Перекурив в тамбуре, напомнили проводнику, чтобы разбудил заранее. Проспавшему целый день Василию не спалось.

Когда его все-таки потянуло в сон, пришел будить проводник. Василий посмотрел на часы: «Ровно три часа ночи». Собрались быстро. Уже через двадцать минут стояли с вещами в тамбуре.

– Ну что, перекурим! – предложил Петр и открыл дверь вагона. Волна теплого, влажного, пахнущего водорослями и еще какими-то неизвестными, для никогда не бывавшего на юге Василия, ароматами воздуха, ударила в лицо. Поезд медленно спускался с какой-то сопки, а слева уже начинали выползать из темно-фиолетовой мглы ярко освещенные улицы Владивостока.

– Здравствуй, Володя! – совершенно серьезно, выкрикнул Николай, глядя в сторону электрического зарева.

«Вот и Володя – Владивосток!» – вспомнил Василий.

Прощание было недолгим. На привокзальной площади попутчиков ждал служебный автобус. Обменялись адресами, обнялись напоследок. Николай поинтересовался, не нужны ли деньги. Предложил:

– Может с нами? Поспишь до обеда на судне, а потом в дорогу!

Василий отказался.

С началом движения, он доехал на троллейбусе до автовокзала. Купил билет на рейсовый автобус «Владивосток-Находка». «ЛИАЗ» был почти пустой. Кроме Василия, в этот ранний автобус сели еще четыре пассажира. Выбрав сиденье с правой стороны, Василий с интересом уставился в окно. Дорога шла в основном по берегу залива Петра Великого. Большая часть увиденных им на побережье строений, имела неприглядный, неухоженный вид. Окна покрыты полиэтиленовой пленкой, а стены и крыши – кусками рваной толи. Насколько убого смотрелись хижины жителей, настолько был живописен и великолепен окружающий их ландшафт. Слева от автобуса то возникала болотистая равнина, обрамленная на горизонте безлесными сопками, то горные вершины нависали прямо над ним и он или поднимался или спускался по крутому серпантину среди циклопических глыб. На склонах сопки, среди густой высокой травы, виднелись редкие низкорослые деревья, кроны которых своими причудливыми очертаниями напоминали о старинных японских гравюрах. Справа, то появлялся, то исчезал вид на залив с пологим песчаным или каменистым обрывистым спуском к воде. Через два часа, над всем этим великолепием, в синей ряби волн, окутанные легкой дымкой, появились потухшие вулканы-сопки острова Путятина. Василий с восторгом наблюдал из окна длинноногих цапель, прогуливающихся по болотам и фазанов, клюющих что-то на обочине дороги. А на одном из поворотов, на тропе, среди густого кустарника, он увидел дикого оленя!

Василий знал, что в 30-х годах здесь не было спасения от тигров. По ночам они приходили к землянкам лесорубов, и, пытаясь достать людей через щели в бревнах, наводили на них ужас. Тогда, чтобы избавиться от ненасытных хищников, собирали охотников со всего Советского Союза.

«Жаль, что истребили тигров! – с иронией подумал лейтенант. – Стоял бы сейчас на сопках благородный кедровый лес, а так ни тигров, ни леса!».

Автобус выскочил на прямой участок дороги, проходящий по пологому берегу залива. Натренированный взгляд военного, выхватил из общего вида сливающийся с поверхностью моря силуэт подводной лодки. Она шла в том же направлении, что и автобус. По выступу РДП (устройство для обеспечения работы дизеля под водой или «шнорхель», как называли его немецкие подводники) в кормовой части рубки он определил: «Дизельная. Идет на выход из залива».

Беззаботное настроение сменилось тревожным: «Что его ждет в дивизии? Конечно, его попытаются захватить на какую-нибудь старушку. Насколько он помнит у них там, кроме устаревших атомных подводных лодок с крылатыми ракетами, ничего нет! Надо будет отказаться.

Пусть отправляют в распоряжение командующего флотом! Предположим, отправят. Что толку! Ехать опять во Владивосток. На что жить это время? Денег то у него нет!».

Василий тяжело вздохнул: «Тупиковая ситуация!».

Так, смирившись с безысходностью своего положения, размякший от жары в разогретом солнцем и двигателем автобуса, Василий незаметно для себя доехал до очередного пункта назначения.

– Техас! Стоянка пять минут. Не забывайте вещи! – громко объявил водитель. Василия ничуть не удивило ни объявление о том, что он попал на родину ковбоев, ни указатель на развилке дороги с надписью «Крым», который они проехали пятью минутами раньше.

Лейтенант, будучи курсантом, был здесь на зимней практике и знал, что поселок Тихоокеанский, в который приехал он, местные жители называли «Техасом» по двум причинам. Первая причина заключалась в созвучии букв, входящих в оба названия. Вторая – в том, что никакой власти в поселке не было. Не было поселкового совета, не было суда и милиции. Но была военная комендатура. Порядок поддерживался военными патрулями, каждый из которых состоял из офицера и пяти-десяти матросов комендантской роты. Нарушитель спокойствия, будь-то гражданский или военный – любого чина и звания, предварительно испытанный на себе силу увесистых кулаков детин из патруля, помещался на гарнизонную гауптвахту. Здесь он мог ожидать своей участи сутки, а то и более. Жаловаться было некому, потому что, как уже было сказано, в данном населенном пункте не было советской власти. Что касается названий «Крым», так назывался небольшой поселок недалеко от Тихоокеанского, а по дороге в Находку была еще и «Ливадия», то они попали сюда вместе со столыпинскими переселенцами. Горный ландшафт, такое же теплое в летние месяцы, как в Крыму – море, наконец, изобилие дикого винограда – разбудило воображение измученных долгой дорогой людей, которое выразилось в этих названиях.

Автобус, подняв столб пыли, вывернул на асфальт и вскоре скрылся за вершиной сопки, по которой проходила дорога. Василий огляделся. Скособоченный, почерневший деревянный навес, – по всей вероятности, заменявший то, что должно быть автовокзалом, металлическая будка кассы и несколько автобусов на покрытой щебнем площадке. Прямо через дорогу открывался вид на три девятиэтажки, у подножия которых располагался комплекс из одно и двух-этажных зданий. На одном из них даже была видна надпись «Дельфин». Так во всех флотских поселках почему-то называли столовые и рестораны. В поселке у Василия не было знакомых. Надо было думать, как ехать дальше. У одного из автобусов стояла группа военных моряков. Не упуская из виду своего чемодана и сумки, Василий подошел к ним ближе. Капитан 3 ранга, к которому он обратился с вопросом, переспросил номер войсковой части и ответил, что этот автобус идет на Новый пирс, а Василию надо в Петровск, куда автобус будет только через час.

– Вам повезло, товарищ лейтенант, – улыбаясь, добавил офицер, – сегодня воскресенье, и поэтому в обед они присылают транспорт для заступающей вахты, а так бы сидеть вам до вечера или добираться на перекладных! А вообще, езжайте с нами, мы Вам должность найдем!

Окружающие засмеялись, но Василий не растерялся, ответив, что он не против, и поедет с ними, если среди присутствующих найдутся чины способные отменить приказ министра обороны.

Веселые надводники уехали. Василий, сев на чемодан, остался ожидать свой автобус. Сидеть долго не пришлось. Кто-то хлопнул его сзади в левое плечо, да так, что если бы не правая рука, которой он инстинктивно оперся на грязную щебенку, валяться бы ему на этой самой щебенке. Кровь прилила к голове. Не обращая внимания на боль, исходящую из ладони руки, Василий оттолкнулся ею от земли и полусогнутый резко развернулся вправо, нанеся удар левой рукой туда, где как он предполагал, должен был находиться противник.

– Идиот, я же пошутил! – услышал он. Перед ним, тяжело дыша, держась за правый бок, в полной парадной форме стоял лейтенант. Такой же, как и он выпускник.

– А кто сказал, что я не шучу? – с приготовленной для удара правой, ответил разозлившийся Василий.

– Ну, хватит, мир. Квадрат! – поспешил предложить неизвестный, протягивая в знак примирения руку. Василий протянул свою:

– Василий!

Не удержался, чтобы не съязвить:

– У тебя батю не Пифагором зовут?

– Да нет! Вертинский! Александр! – ничуть не обидевшись, еще раз представился Квадрат. Приглядевшись, Василий обнаружил, что прозвище собеседника удивительно точно соответствует его фигуре. Тяжелая квадратная голова, с массивной жилистой шеей борца, лежала на внушительном квадрате плеч и мощной грудной клетке. Небольшой рост их обладателя еще больше усиливал это сходство. Во всей его фигуре чувствовалась мощь быка. Но лицо, с широким лбом, прямым носом, тонкими губами с узкой полоской рыжих усиков и мужественным подбородком, притягивало к себе и говорило о том, что их обладатель справедлив и не злопамятен.

– Инженер? – спросил Квадрат.

– А почему ты так решил?

– Своих из Баку я знаю, «Ленком» и «Фрунзе» выпускников на ТОФ не посылают, здесь «товмушников» хватает, да и они приезжают в самую последнюю очередь. Значит, ты инженер из Питера или Севастополя!

– Угадал, я из Дзержинки. А ты химик!

– Не химик, а начальник химической службы атомной подводной лодки, товарищ командир группы, – важно поправил Квадрат.

«Химон несчастный, – подумал Бобылев, – вся служба-то он и два мичмана!».

Квадрат, указывая на чемодан и сумку Василия, спросил:

– Спиртное есть?

– Нет, все уже выпито. Ты что алкаш?

– Шутишь! Просто на КПП твои вещички вывернут наизнанку и спиртное конфискуют!

– Какое удовольствие офицеру копаться в моем барахле?

– Офицеру нет, а вот матросу – да!

– А кто ему даст такое право?

– Приедешь и увидишь! Здесь нет никакого права! «Дикая» дивизия!

Все знали, что «Диким» соединение называют за царившие в нем муштровщину и солдафонство. Дивизия, из-за своего близкого соседства к штабу Тихоокеанского флота, была назначена быть показательной. Многочисленным комиссиям из Москвы, возглавляемым престарелыми генералами и маршалами, делегатам различных съездов, любопытным космонавтам представлялась единственная, ближайшая к Владивостоку, дивизия атомных подводных лодок. Что могли понять в специфике морской боевой подготовки одетые в зеленую форму, к тому же живущие воспоминаниями о прошедшей войне, высшие офицеры? Ничего! Но они могли сделать выводы по универсальному для всех родов и видов Вооруженных Сил всех стран, существовавшему, наверное, еще со времен первобытного человека, показателю – строевой подготовке. Ничто так не радовало их глаз, как прохождение колонн торжественным маршем, под звуки оркестра, с пением разудалых строевых песен. Для того, чтобы угодить бесчисленным комиссиям, командование соединения, только что пришедшие с моря экипажи, часами, в зной и стужу, под удары барабана, заставляло заниматься ненавистными строевыми занятиями. Офицеры и мичманы даже считали, что на выходе в море больше возможности для отдыха, чем на берегу. Шутники острили: «Так должно и быть. Еще Степан Осипович Макаров говорил: – В море – дома, на берегу – в гостях!».

Автобус для вахты подъехал совсем не с того направления, с которого его ожидали. Из него, оставив дверь автобуса открытой, вывалился водитель, старшина 1-ой статьи и пошел в сторону обрамляющих границы площадки хилых, покрытых плотным слоем пыли кустов сирени.

– База! – проводив старшину критическим взглядом, сказал Саша-Квадрат. – Занимаем места. Сейчас начнет подходить «народ».

Квадрат знал, что говорил. Минут через десять в «пазике» не было ни одного свободного места. Пришел старший автобуса, высокий, худой капитан-лейтенант. Спросил о водителе. Пробурчав:

– Я же его и так на два часа отпустил, – пошел искать водителя.

Потом пришел водитель и стал ждать старшего. Наконец все уладилось. Автобус тронулся. Василий задремал, и совершенно не следил за дорогой. Он только чувствовал, как поднимается на подъемах или опускается на спусках вместе с автобусом. Очнулся, услышав:

– Всем выйти для проверки документов!

На выходе из автобуса стоял дежурный старший матрос с нарукавной повязкой красного цвета с белыми буквами «Дежурный по КПП», которому выходящие предъявляли пропуск. Василий достал командировочное удостоверение и удостоверение личности. Матрос долго и старательно, беззвучно шевеля губами, изучал содержимое документов.

– Ваши вещи? – скользнув взглядом по чемодану и сумке, спросил он. Василий кивнул.

– Предъявите для досмотра!

Василий вспомнил предостережение Квадрата: «Будут искать спиртное, чтобы присвоить себе. Но у него ничего нет! Только, как потом тщательно уложенные для дороги вещи запихнуть обратно? С ним этот номер не пройдет! Тем более, его могут подвергнуть досмотру только в присутствии дежурного офицера!».

– Вызовите для досмотра дежурного по соединению! – потребовал он.

– Требуете порядка, а сами его нарушаете! Почему Вы не в форме на территории части? – в разговор вступил старшина 2-ой статьи с такой же, как и у старшего матроса, повязкой на рукаве. Он все это время стоял рядом и внимательно наблюдал за процедурой проверки.

Старшина хамил. Во-первых, въезжать на территорию дивизии и выезжать с нее в гражданке, офицерам разрешалось. Во-вторых, он не имел право делать замечание офицеру.

– Много будете знать, быстро состаритесь, товарищ старшина 2-ой статьи! – не желая ввязываться в ненужные пререкания парировал Василий.

– Пройдите с вещами на КПП! – нахмурившись, потребовал старшина. Бобылев, понимая, что спорить бесполезно, молча забрал из автобуса вещи и занес их в помещение КПП, небольшой белый домик рядом с воротами и невысоким, заканчивающимся колючей проволокой забором.

– Ну, что, будем предъявлять или ждать дежурного, товарищ лейтенант? – упиваясь собственной властью, произнес старшина, пройдя за деревянный барьер, за которым стояли стол, обитый куском неопределенного цвета линолеума, стул с поломанной спинкой и зеленый, ошettинившийся слоями отслоившейся краски, металлический сейф.

– Ждать, – однозначно ответил Василий.

– Ждите! А вещички все равно придется предъявить!

Словно услышав слова старшины, в помещении появился озабоченный Квадрат:

– За тобой прислали. Давай, старшина, заканчивай, и так опаздываем!

– Здесь и не начинали. Можете ехать без него! – распорядился за Василия старшина.

– Соболезную, брат, три километра пешком, с вещами! – обращаясь к нему, ухмыльнулся Квадрат и выскочил наружу. Послышалось урчание мотора автобуса, металлический скрип открываемых и закрываемых ворот и пение какой-то птицы в наступившей затем тишине.

«Ну, вот! Допрыгался! – корил себя Василий. – Сам себе хуже сделал. Дежурный по дивизии может приехать и ночью! На кого обиделся? На базу? Они и своего брата, моряка срочной службы, вывернут наизнанку. Не только потому, что их для этого натаскивают. Он плавсостав, а база, хоть и носит морскую форму, всего лишь береговая служба! Вековая неприязнь солдата к моряку! За романтику флотской службы, за сытный морской паек, за красивую девчонку из поселка, которая любит не его, а рулевого с подводной лодки, и за то, что, оправдывая выпрошенный у старпома с атомохода знак «За дальний поход», придется врать дома про автономки, в которых он никогда не бывал».

Вынеся вещи на площадку перед КПП, и подойдя к ее краю, там, где забор заканчивался колючей проволокой, он обнаружил, что стоит на вершине самой высокой из ближайших к морю сопки. Перед ним, открылся вид, от которого дух захватывало. С высоты птичьего полета просматривалась вся военно-морская база. Словно на макете с кафедры боевых средств флота четкими линиями выделялись бухта, огороженная забором со сторожевыми вышками зоны режима радиационной безопасности, береговая техническая база, судоремонтная база и соединяющие их дороги. Корпуса жилых и служебных помещений ступенями поднимались на сопки из заболоченной равнины. В бухте, по обеим сторонам выступающих в нее пирсов, стояли подводные лодки. С высоты сопки лодки казались игрушечными. Казалось, их можно взять в руки, чтобы лучше рассмотреть как они устроены?

– Красота!

Василий обернулся. Прямо перед ним стоял высокий, стройный капитан 2 ранга, а чуть поодаль, темно-зеленый «УАЗ».

«Дежурный по соединению, – отметил Василий, заметив сине-бело-синюю повязку на его руке, – странно, что я не услышал, как подъехал «УАЗ». Представился:

– Лейтенант-инженер Бобылев! Прибыл для дальнейшего прохождения службы.

– Капитан 2 ранга Колесников. Что вы здесь делаете?

– Жду дежурного офицера для проверки моих вещей!

– Понятно, гордыня заела! Если не хотите идти пешком, садитесь в машину, минут через пять тронемся вниз.

Сидеть пришлось минут двадцать, потому что появление дежурного по соединению оказалось неожиданным не только для Василия, но и для дежурных по КПП. Наконец, дверь домика открылась, и из него вышел Колесников. За ним выскочил взъерошенный старшина. Он что-то говорил, нервно жестикулируя руками. Василий услышал только брошенную в ответ фразу офицера:

– Всех сниму! Десять минут на устранение!

В машине «кап-два», повернувшись к Василию, сказал:

– Значит так, товарищ лейтенант. Вас здесь никто не ждал, поэтому я передам, чтобы Вас накормили, а в гостинице, если возникнут вопросы, скажете дежурной позвонить мне. Надеюсь, свободное местечко найдется. Завтра можете спать до обеда. Строевые! После обеда – в отдел кадров.

– А вещи? – спросил Василий.

– Какие вещи?

– Мои, будете проверять?

– Такое впечатление, что Вас в училище совсем заучили. Я офицер военно-морского флота, а не корпуса жандармов! Надеюсь, Вы поняли, лейтенант!

Василий кивнул головой.

Водитель осторожно провел «УАЗ» по крутому серпантину спуска с сопки и стал набирать скорость на горизонтальном участке дороги.

– Глуши двигатель и к караулу, – скомандовал дежурный. Теперь Василий понял, почему он не услышал шум подъезжающей машины. На этот раз задержка была небольшой. Через

несколько минут «УАЗ» уже стоял на площадке у подножия сопки, перед большим двухэтажным зданием – столовой. У входа, в надетой на китель, белой хлопчатобумажной куртке, покуривая сигарету, прогуливался дежурный по столовой.

Как и обещал капитан 2 ранга Колесников, Василия накормили, да еще и дали с собой завтрак: батон, полпачки сахара, колбасу, сыр и завернутое отдельно в бумагу масло и кулечек с чаем.

– Гостиница вниз по лестнице и налево, – показал, прощаясь, дежурный по столовой, – а, если что нужно, прямо по дороге – магазин. Кстати, сегодня работает до шестнадцати. Василий посмотрел на часы: «Без двадцати четыре!».

За отсутствием денег ему в магазине ничего не было нужно, но в порядке знакомства решил зайти. Тем более рядом.

Магазин размещался в небольшом одноэтажном здании с плоской крышей.

– Здравствуйте, что вы хотите купить? – услышал он ангельский девичий голосок, пытаясь войти в магазин с сумкой и чемоданом, не получив удар от хорошо подпружиненной двери. За прилавком стояла одетая в голубой сарафан, обладательница ангельского голоса. Румяные щеки, пухлые губки бантиком, огромные голубые глаза, неестественно длинные ресницы, ладная миниатюрная фигурка. Наконец русая коса до пояса. Казалось, что эта девушка само олицетворение женской чистоты и невинности.

«Куколка, Мальвина, нет, «тургеневская девушка!» – от восхищения пронеслось в сознании Василия, прежде чем он смог ответить:

– А просто посмотреть можно? Скажем, на Вас!

– Можно, только недолго, – ничуть не смутившись, отреагировав на комплимент скромным опусканием ресниц, ответила «тургеневская девушка», – мне пора закрывать магазин!

– Тогда не буду мешать, зайду как-нибудь в другой раз. До свиданья!

– До свиданья. Непременно заходите, – кротко улыбаясь, проворковала она, и Василию показалось, что в помещении стало чуть-чуть светлее.

С гостиницей проблем не возникло.

– Здесь Вы будете жить, – бесстрастным голосом, открыв дверь двухместного номера, проинструктировала дежурная.

– Это Ваша кровать. Некоторое время будете один, Ваш сосед в море. Располагайтесь. Увидев пакет с завтраком, заметила:

– Пользоваться кипятильником запрещается. Электрический чайник можете взять у меня. И утюг тоже!

Не успела закрыться дверь за дежурной, как Василий, не раздеваясь, в чем есть, упал на кровать. Спал недолго, проснулся от холода. Несмотря на то, что на улице стояла тридцатиградусная жара, в комнате было промозгло и холодно. И все же Василий не рискнул открыть окно. Лучше замерзнуть, чем быть заживо сожранным комарами. Решил привести себя в порядок. Горячей воды в душе не было, да и с холодной не без проблем. Поток воды то увеличивался до нормальных размеров, то уменьшался, превращаясь в еле видимую нить. С трудом удалось освежиться. Под кроватью отсутствующего соседа нашелся небольшой металлический эмалированный тазик, в котором замочил для стирки набравшееся за дорогу грязное белье. Посмотрел на часы – только половина восьмого. Надев плавки, тренировочные брюки, спортивную майку и взяв полотенце, спустился вниз.

– Не забудьте сдать ключи, – напомнила дежурная. Василий положил ключи на стол перед ней и спросил:

– Как мне пройти к морю?

Дежурной не пришлось долго объяснять дорогу, Василий хорошо запомнил увиденную с сопки панораму.

На улице было жарко и влажно. Ни души! Только где-то слышались гулкие удары по волейбольному мячу. Василий вышел на дорогу к морю. Параллельно ей, с правой стороны, через пустырь, тянулся деревянный забор зоны радиационной безопасности с вышками и колючей проволокой. На вышках скучали силуэты часовых. Мимо него лениво промаршировала небольшая группа моряков, возвращающихся с корабельной вахты. Воздух был наполнен терпкими запахами трав и непрекращающимися трелями цикад. Свернув с дороги на тропинку, Василий пошел навстречу нарастающему шуму прибоя. Наконец, с высокого, обрывистого берега увидел сам прибой. Волны лениво накатывались на узкую полосу песчаного пляжа, окаймляющего желтой дугой границы небольшой бухточки. Почти никого, если не считать нескольких одиноких фигурок, прогуливающихся по берегу. Не разбирая дороги, сквозь заросли травы в рост человека, Василий сбежал вниз, быстро разделся и бросился в прибой. Вода – парное молоко! Прозрачная, как стекло. Даже на достаточной глубине видны отдельные камушки и водоросли. Проплыв всего несколько метров, Василий почувствовал могучее дыхание где-то прошедшего шторма. Невидимая волна нежно поднимала и опускала его. Потухла заря. Быстро напозлили сумерки, и тут он увидел то, о чем когда-то только читал. Любое его движение в воде вдруг стало заставлять светиться ее. Свет стекал с его головы, плеч и рук, рассыпался брызгами. Мириады микроорганизмов планктона, ощутив его присутствие, почему-то начинали светиться. Фантастическое зрелище на фоне бездонного, усыпанного яркими крупными звездами чистого неба!

В гостиницу вернулся почти в полночь. Аккуратно, чтобы не разбудить задремавшую дежурную, снял с доски ключи.

Не заходя в номер, заглянул в душ. На этот раз с водой было все в порядке, не только с холодной, но и с горячей. В соседней кабинке уже кто-то плескался. Сходив в номер за мылом и мочалкой, долго мылся, с наслаждением выскребая с себя накопленную за одиннадцать суток дороги грязь. После душа, оставляя шлепанцами мокрые следы, с трудом дошел до номера. Чуть ли не с закрытыми глазами застелил постель лежавшим на тумбочке свежим бельем, забрался под одеяло и, свернувшись калачиком, забылся крепким, почти полмесяца невозможным, сном.

Глава II

Он проснулся от громких звуков духового оркестра и выкриков, напоминавших пение. Прислушавшись, смог разобрать слова:

И когда маяк Скрыплева,
Вспыхнет как ночной цветок,
Под баян споем мы снова,
Здравствуй, наш Владивосток!

«Строевые занятия, – сообразил Бобылев, – до обеда часик можно еще поспать!» – но, вспомнив о пакете с завтраком, решил вставать. Потягиваясь, подошел к окну. Прямо напротив окна, внизу, на асфальтированной аллее, расположился оркестр, мимо которого, строевым шагом, горланя песню, чеканила шаг очередная коробка. Часы показывали половину девятого. Умывшись, он спустился на первый этаж за чайником. Заодно решил взять и утюг. Внизу шла пересменка, и пришлось долго ждать, пока им займутся. Новая дежурная, окинув Василия недовольным взглядом, мол, что он здесь делает, когда все на плацу, выдала утюг и чайник.

С удовольствием, съев половину завтрака (вторая должна была заменить обед), Василий занялся хозяйственными делами: стиркой белья, глажением, доставанием из сумок и размещением в шкаф и тумбочку своих вещей. Наткнулся на письма Лены, все бросил и сидел, перечитывая их, вспоминая все то небольшое, что было связано с ней. Наконец стал собираться. Долго выправлял поля фуражки с белым верхом и погоны тужурки, смятые долгим лежанием в чемодане. Оделся. Посмотрел в зеркало. На него смотрел незнакомый, с серьезным выражением лица, стройный молодой офицер в морской форме.

«Пижон!» – довольно хмыкнул Василий и направился к двери.

Отдел кадров он нашел без труда. Подошел спросить к стоявшей у одного из зданий группе офицеров и увидел табличку с надписью «Отдел кадров в/части 31120». Офицеры, сплошь лейтенанты, пришли сюда за тем же, что и он. Оказалось, что перерыв в отделе кадров еще не закончился, и поэтому образовалась небольшая очередь. Из разговоров стоящих Василий понял, что Квадрат был не прав, сказав, что выпускники ТОВВМУ им. Макарова приезжают в последнюю очередь. Почти вся группа состояла из них. Это были женатые офицеры, в семьях которых уже были дети. Приехав раньше других, они надеялись получить жилье или, в крайнем случае, быть первыми в очереди на него.

Перерыв быстро закончился и дневальный у входа в здание стал по одному пропускать выпускников внутрь. Через час дошла очередь Василия. Дневальный, старшина 2-ой статьи, объяснил, куда ему нужно пройти. В кабинете первое, что увидел Василий, был большой, на жаргоне бюрократов, «министерский стол», заставленный бордового цвета папками с личными делами. Сухощавый капитан 3 ранга молча протянул через стол для рукопожатия руку и привычным жестом указал на стоявший у стола стул:

– Садитесь! Давайте Ваши документы.

После недолгого ознакомления с документами, он спросил:

– Где хотите служить?

– На подводной лодке нового проекта! – не задумываясь, ответил Василий.

– Похвальное желание! – одобрил кадровик, сделав, на лежащем перед ним листке какую-то пометочку. – У нас как раз набирается экипаж на новое формирование. А, кем?

Василий задумался. Собственно говоря, большого выбора не было. Его могли назначить или командиром турбинной группы – КТГ или командиром группы дистанционного управления – КГДУ. У командира турбинной группы в подчинении около десятка машинистов-тур-

бинистов, мичманов и моряков срочной службы, в заведовании вся паротурбинная установка. Множество обязанностей, личный состав и капризная техника. У командиров групп дистанционного управления такие обязанности возникали только во время несения вахты. Им подчинялась смена, обслуживающая главную энергетическую установку. Правда, по корабельному расписанию только двое из них, самые опытные, целиком и полностью были освобождены от обязанностей, не связанных с эксплуатацией ядерных реакторов. Остальные назначались командирами отсеков, которые закреплялись за ними вместе с личным составом различных боевых частей, расписанных в отсеке по боевой тревоге. И все же, предпочтительней считалась должность КГДУ. Василия трудности не пугали. Он считал, что начинать нужно с самого трудного.

– Командиром турбинной группы, – ответил он. Капитан 3 ранга заулыбался:

– Не часто, выпускники сами просятся на эту должность. Я бы все-таки посоветовал должность КГДУ.

Кадровик внимательно посмотрел на Бобылева:

– А в дальний поход Вы не хотите сходить? На девять месяцев? С заходом в иностранный порт. Есть свободная вакансия командира группы дистанционного управления!

У Василия захватило дух. Кто из выпускников не мечтает о дальних походах!

– Правда, корабль не нового проекта. Но экипаж отличный! – добавил кап-три. – Ну, как?

– На новый проект можно попасть и после автономки! – решил Василий. – Согласен!

– Одного Вашего согласия мало, – заметил кадровик, – сейчас придет командир корабля, он и решит, брать Вас или нет! Взяв трубку телефона, кап-три набрал номер:

– Пригласите командира к телефону. Капитан 3 ранга Иванов.

Очевидно, командир корабля был рядом с телефоном, потому что, совсем немного помолчав, Иванов продолжил:

– Здравствуй, Геннадий Викторович, кажется, я нашел того, кто тебе нужен. Да! У меня. Жду!

Кадровик положил трубку и занялся своими делами. Несколько раз в кабинет кто-то пытался войти, заставляя Василия каждый раз внутренне напрягаться.

Наконец пришел, тот, кого он ожидал. В кабинет, поздоровавшись с кадровиком, вошел среднего роста и телосложения капитан 2 ранга, с командирской лодочкой на кителе. Не обращая внимания на Василия, он сел на свободный стул и завел разговор с Ивановым на темы, совсем не имеющие к нему отношения. Василий, как ему казалось, незаметно, делая вид, что ему все это безразлично, рассматривал того, от которого зависела его судьба. На вид ему было лет 35–40. Лицо с монгольскими скулами свидетельствовало о том, что без потомков Чингиз-хана здесь не обошлось. Скорее всего, он родом с Алтая или из Бурятии, где такой тип лица не редкость для русских, смешавшихся с местными жителями. Пронизывающий насковзь взгляд, гордая осанка и волевое выражение лица говорили о том, что это человек бывалый, знающий себе цену, умеющий повелевать и не терпящий возражений.

– Капитан 2 ранга Завирухин Геннадий Викторович, командир крейсерской подводной лодки К-30. Мне сказали, что вы хотите служить на моем корабле. Расскажите о себе: где родились, кто ваши родители, почему выбрали профессию военного инженер-механика, – неожиданно обратился к нему командир. Василий, стараясь не ляпнуть, чего-нибудь лишнего, аккуратно подбирая слова, начал излагать, то, о чем его попросили. Завирухин, расположившись на стуле в барской позе, слушал, глядя куда-то мимо него. Очевидно, рассказ Василия устроил командира. Через несколько минут последовало повелительное:

– Достаточно! Я беру Вас. Но это еще не все. Вы должны оправдать оказанное Вам доверие и проявить свои профессиональные качества. Хотите знать, что нужно для этого сделать?

Геннадий Викторович сделал паузу, бросив на лейтенанта невидящий взгляд:

– Через три месяца, для выполнения поставленных задач, корабль должен выйти в длительное автономное плавание. К этому времени, Вы должны совершить почти невозможное! Необходимо сдать на самостоятельное управление группой и выйти в море полноправным членом экипажа. Хватит ли у Вас сил и знаний, товарищ лейтенант-инженер?

– Так точно, товарищ капитан 2 ранга, хватит!

– Другого ответа я и не ожидал. Но все же хочу предупредить! Если Вы не сможете к установленному сроку сдать на самостоятельное управление, я без сожаления с Вами расстанусь. Сейчас, с продаттестатом и аттестатом на оружие, в казарму, к моему помощнику. Казарма размещается на первом этаже следующего за отделом кадров здания. Он Вам все расскажет. Завтра представлю экипажу. Вам все понятно?

– Так точно, – заученно ответил Василий.

– Тогда свободны, – сказал Завирухин и равнодушно отвернулся в сторону кадровика. Василий встал, и по-строевому повернувшись, вышел из кабинета.

Казарма полностью занимала первый этаж здания, и представляла собой длинный коридор, по обе стороны которого, в начале и конце, размещались туалет, баталерки, бытовая и Ленинская комнаты, каюты офицеров и мичманов. В центральной части, разделенной колоннами, по обе стороны коридора, располагались двухъярусные койки личного состава. Дневальный, козырнув, показал каюту помощника. Его уже ждали.

– Дверь не закрывать! – приказал помощник командира, долговязый, с рябым, деревенским лицом капитан-лейтенант, и громко выкрикнул в открытый дверной проем: – Интенданта ко мне!

– Представьтесь! – обращаясь к Василию, потребовал он.

– Лейтенант-инженер Бобылев.

– Меня зовут Александр Васильевич Рысаков. Ко мне обращаться по званию. Мне, Ваш аттестат на кортик и две фотографии на пропуск, интенданту – продовольственный аттестат. Ужинаете и завтракаете с экипажем на базе. Кстати, где остановились?

– В гостинице.

– Пропуск будет готов через день. Но я думаю, в ближайшие полгода он Вам не понадобится. Командир приказал с завтрашнего дня Вам постоянно жить на корабле. Сход – только с его личного разрешения. Завтра на корабль без пропуска не пропустят, поэтому утром перемещаетесь в составе экипажа.

Василия поразила напускное высокомерие, с которым решил обращаться с ним этот капитан-лейтенант. А эта ехидная улыбка после слов о пропуске, который ему не понадобится? Ладно, пока промолчим!

Со словами:

– Прибыл по Вашему приказанию! – в каюте появился интендант – упитанный, краснощекий, стриженный наголо мичман.

«Татарин», – определил для себя Василий.

– Володя, забирай пополнение. Сегодня покормишь, а с завтрашнего дня поставишь товарища лейтенанта на довольствие. Выдай разовое постельное белье, спецодежду, пилотку и тапочки «РБ». Жить он будет на корабле. Помогите с клеймением.

В баталерке Василий с трудом подобрал нужного размера пилотку. С тапочками и синего цвета хлопчатобумажными курткой и брюками было легче. Имелись все размеры.

– Вот клеймо, а краску спросите у боцманов, – всучив Василию клеймо «РБ», покрытое слоями засохшей белой краски, выпроводил его из баталерки интендант. Василий с полученной одеждой вышел в коридор: «Где искать этих боцманов?».

– Дайте мне клеймо, – неожиданно услышал он чей-то добродушный голос. Перед ним стоял, розовощекий, плотный и ладный, как молодой огурчик, морячок. Василий отдал ему клеймо. Морячок пропал где-то в коридоре, но быстро вернулся с очищенным от краски клей-

мом, вырезанным из листа бумаги трафаретом треугольника, баночкой белой краски и кусочком поролона.

– Пойдемте со мной, – предложил он и привел Василия в комнату бытового обслуживания. Здесь, на гладильной доске, он аккуратно проштемпелевал соответствующими знаками всю одежду.

– Кому я должен? – спросил Василий.

– Не стоит, товарищ лейтенант, Сажин, моя фамилия, рулевой-сигнальщик, – ответил морячок. Его полные щеки зарделись как у девушки.

На ужин Бобылев решил не ходить. Попив чай с тем, что осталось от завтрака, он занялся подготовкой к жизни на корабле. Уж если приказано ему безвыходно находиться на корабле, то для этого все должно быть приготовлено. Собравшись, не зная, куда себя деть, он спустился на первый этаж, где в холле, стоял черно-белый телевизор. Вязавшая на спицах, дежурная и двое постояльцев гостиницы, одетые в спортивные костюмы, с интересом смотрели очередную серию «Семнадцати мгновений весны». Василий подсел к ним на широкий, покрытый темно-коричневым кожаным диван, и погрузился в размышления штандартенфюрера СС Штирлица о том, кто из главарей третьего рейха способен пойти на контакт с Западом. Фильм закончился, и на экране, под привычную музыку появилась заставка новостей. Внезапно зазвонил телефон.

– Бобылев есть? – взяв трубку и что-то ответив, громко спросила дежурная.

– Я! – Василий поднял руку.

– Вам, в кубрик экипажа.

– Зачем?

– Откуда я знаю, – отмахнулась дежурная.

«И кому я понадобился, на ночь глядя!» – недовольно подумал Василий.

В кубрике, под наблюдением мичмана, дежурного по команде, шла подготовка к отходу ко сну.

– Вам к помощнику командира, – заметив его, сообщил дежурный.

– Можно? – постучав, в дверь спросил Василий. – Зачем вызывали?

– Я же говорил Вам, ко мне обращаться «товарищ капитан-лейтенант» и представляться. Вас что, этому не учили, товарищ лейтенант-инженер? Повторите все сначала!

– Товарищ капитан-лейтенант, лейтенант-инженер Бобылев по Вашему приказанию прибыл! – повторил покрасневший Василий.

– Хорошо, товарищ лейтенант-инженер. Теперь к делу. Завтра смотр кубрика, который как вы знаете, является одним из элементов сдачи задачи один. Кубрик должен быть в образцовом состоянии. К сожалению, у нас не все тумбочки застланы, свежей бумагой. Я надеюсь на Вас. Берите ножницы, бумаги у меня сколько угодно, и приступайте к работе. Вопросы есть?

Василий с трудом сдержал себя, чтобы не нахамить рябому помощнику. Не в его интересах с первого дня идти на конфликт!

– Вопрос можно? Почему я должен за моряков резать бумагу? Хозяева тумбочек обязаны справиться с этим заданием. На худой конец есть подменные дневальные! Целых два человека.

– Зарубите себе на лбу! Мои приказания не обсуждаются! Идите и выполняйте, товарищ лейтенант-инженер! – грубо оборвал Рысаков и протянул ему ножницы. Нервы не выдержали. Выхватив у капитан-лейтенанта ножницы, Бобылев размахнулся и с силой бросил их ему под ноги. Ножницы со звоном от ricoшетили от упругой половицы, и, пролетев мимо испуганно отпрянувшего в сторону помощника командира, приземлились на рядом стоящую кровать. Развернувшись, Василий выскочил из каюты. На выходе из кубрика, услышал в спину крик помощника:

– Товарищ лейтенант, вернитесь! Я это так не оставлю. Вы будете наказаны!

В вестибюле гостиницы он задержался, чтобы записаться у дежурной на шесть утра. Поднялся в номер. Не раздеваясь, лег на кровать. Не ожидал он такого начала службы. Откуда у каплея столько спеси и чванства? Только дурак не догадается, что все приказания помощника, презрительное обращение к нему от одного, желания Рысакова с первого дня, неважно в чем, унижить и оскорбить его.

Так и не раздевшись, бесконечно перебирая в уме, различные варианты своего поведения в отношении с помощником и решив не при каких обстоятельствах не давать ему спуску, поворочавшись часа три, он заснул.

Утром проснулся от назойливого стука в дверь:

– Встаем!

Это дежурная обходила тех, кто записался вчера. Безразлично подумал о вчерашнем: «Черт с ним! Даже если нажалуется командиру». Между тем страшно хотелось спать. Только после холодного душа, Василий почувствовал себя к чему-то способным.

В столовой, за столиками на четырех человек, кое-где уже сидели мичманы и офицеры. За одним из них он увидел знакомое лицо. Это был вчерашний дежурный по команде.

– Доброе утро! – поздоровался Василий. – Куда можно сесть? Тот указал на стол с табличкой, на которой аккуратно было выведено плакатным пером «КГДУ». На белоснежной скатерти, вокруг столовых приборов, масленки и сахарницы, стояли четыре тарелки, на каждой из которых лежали вареное яйцо и горкой, нарезанные – бекон, сыр. Рядом стояли стаканы для чая, в мельхиоровых подстаканниках, стаканы с кефиром и чашечки с медом.

«Неплохо быть подводником, даже если стоишь в базе!» – подумал он. Вспомнил курсантский завтрак – хлеб, чай, двадцать граммов масла, три кусочка сахара. По воскресеньям и праздникам дополнительно давали вареное яйцо! Правда, овсяной каши, которую называли «клеистером», можно было съесть даже с добавкой. Про нее шутили: «Каша обволакивает стенки желудка и создает ощущение сытости». Не отличались особой калорийностью обед и ужин. Поэтому, при росте 176 сантиметров Василий весил всего 52 килограмма. Конечно, это кем-то учитывалось, и всем – перед водолазными спусками, и тем, кто занимался спортом – перед соревнованиями, выдавали по специальной ведомости паек, состоявший из нескольких дополнительных граммов мяса и масла.

– Вам чай сейчас или позже? – предупредительно спросил подошедший с чайником, одетый в белую форменку и брюки, старший матрос – вестовой.

– Спасибо, наливайте, – ответил Василий, подставляя стакан под носик чайника. С аппетитом у него все было в порядке, поэтому с содержимым тарелки и чашечки справился быстро. С наслаждением, выпив медленными глотками обжигающий холодом, кефир, нашел глазами вестового:

– Спасибо за завтрак!

– На здоровье, – ответил старший матрос.

У выхода пришлось задержаться и пропустить плотной массой входивших в столовую офицеров и мичманов.

«Из Тихоокеанского автобусы пришли! – догадался он. – Пора за вещами в гостиницу».

Он едва не опоздал на построение. Команда «Экипаж К-30, в колонну по четыре, становись!» застала его еще поднимающимся по широкой, высланной плиткой лестнице, которая вела от казарм расположенных в низине, к столовой. Пробежав по ступеням лестницы, Василий едва успел дополнить недостающую шеренгу офицеров и мичманов в голове колонны до начала движения.

– Равняйся! Смирно! Прямо! Шагом марш! – строем командовал какой-то старший лейтенант, а дежурный по команде и помощник командира, неторопливо переговариваясь, шли рядом с ним. Пройдя по уже знакомой дороге к морю, строй без команды повернул вправо, к пропускному пункту зоны РРБ.

– Экипаж! Стой! – скомандовал старлей, не доходя нескольких метров до ворот.

Из домика контрольно-пропускного пункта выбежал матрос в спецодежде «РБ», с красной нарукавной повязкой, и ничего не спрашивая, открыл ворота.

Василий с интересом посмотрел в открывшийся проход. Асфальтовая дорога идущая под уклон, пропадала где-то внизу. Справа от видимой части дороги, стояли одноэтажные домики лабораторно-технического комплекса службы радиационной безопасности, слева – громадное двухэтажное здание санпропускника, расположенное ступенями на крутом спуске сопки.

У здания строй распустили, и он в общем потоке поднялся на второй этаж в санпропускник экипажа. Внутри стояли металлические шкафы, в которых можно было, переодевшись в спецодежду «РБ», оставить свою обычную одежду и наоборот.

Дежурный по санпропускнику показал свободный шкафчик, с надписью «КГДУ-6»:

– Кажется, он у нас уже не служит.

Боясь отстать, Василий быстро переоделся и пошел вслед за выходящими из помещения членами экипажа. Он долго шел за ними по каким-то коридорам вниз. Дважды с трудом сумел сохранить равновесие, пока приноровился к тапочкам, скользящим новой гладкой кожаной подошвой по полу, который был покрыт сваренными между собой листами пластика. Пройдя стационарную установку радиационного контроля, наконец, достиг выхода из санпропускника.

«Как будто из лабиринта Минотавра вышел», – подумал он, радуясь солнечным лучам. Широкая, асфальтированная дорога вывела Василия на короткий бетонный пирс, который продолжался плавучим пирсом, состоявшим из нескольких металлических понтонов.

Слева, к плавучему пирсу была пришвартована подводная лодка, на которой ему предстояло служить. Такую атомную подводную лодку он видел впервые. Она была совершенно не похожа на атомоход, который всегда можно узнать по обтекаемой сфере носовой части. Прямой форштевень, переходящий в бульбу гидроакустической станции делал ее похожей на укрупненный проект известной дизель-электрической подводной лодки. Как сказали бы корабельцы, подводная лодка с штевневой носовой частью! Неужели его обманули?

«Ничего! Посмотрим, что внутри», – обнадежил себя лейтенант.

– Экипаж, в две шеренги становись! – Василий по команде занял место в конце строя.

– Равняйся! Смирно! Равнение налево! – снова раздался голос помощника командира. Печатая шаг, с приложенной к пилотке правой рукой, Рысаков двинулся навстречу приближающемуся к строю командиру корабля. На середине строя они встретились.

– Товарищ командир! Экипаж К-30 для подъема военно-морского флага построен! – доложил помощник Завирухину. Командир корабля повернулся к строю:

– Здравствуйте, товарищи!

В ответ по бухте, одновременно с эхом от других пирсов, разнеслось:

– Здравия желаем, товарищ капитан 2 ранга!

После команды «Вольно», он медленно обвел взглядом строй. Остановившись на стоящем, на правом фланге Василии, жестом приказал подойти к нему:

– Представляю Вам, назначенного приказом Командующего флотом, номер..., – командир протянул руку к рядом стоящему помощнику командира за листком с номером приказа.

– Приказа еще нет, – торопливо зашептал Рысаков. Завирухин махнул рукой:

– ... на должность командира группы дистанционного управления БЧ-5 нашего корабля, лейтенанта-инженера Бобылева Василия Васильевича, выпускника Высшего военно-морского инженерного училища имени Дзержинского. Прошу всех оказывать ему померную помощь в быстрейшем становлении в качестве члена экипажа!

– Механик, принимай пополнение – закончил он, легонько подтолкнув Василия к строю, ладонью руки. Строй раздвинулся, образовав свободное место рядом с офицером, у которого на кармане куртки и пилотке были надписи «К-р БЧ-5». Он молча протянул Василию руку.

– На флаг и гюйс, смирно! – раздался с высоты рубки голос дежурного по кораблю. Все замерло, застыли как изваяния моряки с флагами у флагштоков в носу и корме. Наконец в тишине, из колокола репродуктора, закрепленного на трапе, послышалось четкие удары секунд последней минуты.

– Товарищ командир! Время вышло! – доложил Завирухину дежурный.

– Флаг и гюйс поднять! – разрешил командир.

– Флаг и гюйс поднять! – опять последовала команда сверху, и строй одновременно всколыхнулся руками офицеров и мичманов, отдающих честь флагу. Флаг и гюйс весело заплескались на ветру, прозвучало облегченное:

– Вольно!

Потом еще раз было «Смирно» и «Вольно». Это дежурный докладывал командиру корабля.

– Всем вниз! – опять последовала команда и поток подводников, раздваиваясь в районе рубки, устремился к рубочному и кормовому люкам.

– Передаю Вас вашему непосредственному начальнику, – сказал командир БЧ-5, указывая жестом руки на стоящего рядом офицера, – командир дивизиона движения капитан 3 ранга Примак Владимир Федорович, тоже дзержинец!

– лейтенант-инженер Бобылев! – представился Василий своему начальнику.

– Здравствуйте! – широкой открытой улыбкой и крепким рукопожатием ответил Владимир Федорович. – Идемте со мной на пульт.

Так подводники для краткости называли пост управления главной энергетической установкой, на котором размещался и пульт управления реакторами. Василий пошел за ним. Шахта кормового люка дохнула специфическим отсечным запахом. Василий неумело, ударяясь коленями о балясины трапа и больно задев спину чем-то выступающим в шахте, спустился вниз. Глазами, не привыкшими к искусственному освещению после ярких солнечных лучей, увидел спину Примака в просвете носовой переборочной двери. Боясь потеряться, поспешил за ним. Зрение улучшилось, и по электрическим щитам со штурвалами по обе стороны прохода, Василий понял, что он попал в электротехнический отсек. Аккуратно закрыв переборочную дверь на кремальерный затвор, Василий повернулся, чтобы идти за начальником дальше. Но его и след простыл.

«Да никуда он не мог уйти, – уверил себя он, – здесь всего один проход!». Василий пошел по нему вперед, спустился по ступенькам куда-то вниз и, пройдя через тамбур-шлюз и очередную переборочную дверь, вошел в следующий отсек. Справа и слева, проходя к сверкающим нержавеющей сталью громадным цилиндрам турбин, стальной синевой отливались между корпусами, выкрашенных слоновой краской, главных упорных подшипников и шинно-пневматических муфт линии валов левого и правого бортов. Весь верх отсека был занят висющими на компенсаторах, покрытых теплоизоляцией белого цвета, внушительных размеров паропроводами с такими же, поражающими сознание своими габаритами, арматурой и воздухоохладителями. В носу виднелись переплетенные многочисленными трубками и трубочками, маневровые устройства с выделяющимися на них выкрашенными в красный цвет размерами с колесо «МАЗа» штурвалами ручного управления. Возле них, чем-то занимались, судя по возрасту, моряки срочной службы, а посреди отсека, на коже турбины правого борта, ногами заслонив проход, полулежал, очевидно, начальник этих моряков. Ловко орудуя маленькой пилочкой, не обращая ни на кого внимания, он приводил в порядок ноготь указательного пальца на своей левой руке. Не был удостоен вниманием и подошедший Василий, как будто его совсем не существовало.

«На подлодке есть турбина, а на ней лежит дубина», – недовольно подумал Василий строкой, ходившего по рукам стишка, ожидая, когда на него обратят внимание, или хотя бы убе-

рут ноги с прохода! На куртке разглядел буквы «СКТ» – старшина команды турбинистов. Не выдержав, Василий спросил:

– Вы командира первого дивизиона не видели?

Даже не подняв кудлатую, нестриженую голову, старшина рукой с пилочкой нажал на тумблер, закрепленного над ним устройства громкоговорящей связи «Каштан». Индикаторная лампочка устройства загорелась, и чей-то голос с хрипотцой спросил:

– Ну что там у Вас, Кошелев?

– Комдив-раз есть?

– Слушаю! – ответил «Каштан» голосом Примака.

– Тут Вас молодой лейтенант спрашивает!

– Отправьте его ко мне! – лампочка потухла.

– Вы заблудились, товарищ лейтенант. Вам нужно было попасть на пост управления главной энергетической установкой. Там, где Вы спускались к проходу в тамбур-шлюз, справа есть трапчик на площадку, с которой можно попасть на пульт и в выгородку водно-химической лаборатории. И как Вы вход на пульт не заметили, там же дверь восемьсот миллиметров в свету? – подозрительно простодушно произнес Кошелев, примеряясь к очередному ногтю. Василию стало стыдно. Он видел эту переборочную дверь, но почему-то подумал, что если выгородка поста управления главной энергетической установкой находится в турбинном отсеке, то и вход в нее должен быть там же.

– Заблудились! – услышал он, добродушный голос Примака, перешагнув комингс переборочной двери пульта управления. В глаза бросилась висящая над пультом, цвета слоновой кости, мнемосхема главной энергетической установки, разукрашенная как новогодняя елка огнями миниатюрных лампочек красного, зеленого, желтого и белого цветов. За ней, возле носового щита, состоящего, от пайол палубы до подволока, из квадратных ячеек приборов, спиной к нему стоял человек, по всей вероятности менявший ленту самописца. Оператор правого борта что-то записывал в журнал, периодически делая какие-то расчеты на логарифмической линейке. Второй оператор сидел, повернувшись в пол-оборота к комдиву-раз, который расположился с левой стороны пульта на откидном стульчике для резервного управления маневровым устройством.

«Тесновато», – подумал Василий.

– Располагайтесь, – предложил Владимир Федорович, рукой показывая на аналогичный стульчик, только на правом борту. Василий, стараясь не задеть оператора правого борта, протиснулся в узкий проход между пультом и выступающим шпангоутом прочного корпуса, туда, где находился стульчик.

– Давайте для начала познакомлю Вас с нашими офицерами. Командир группы КИПиА Григорий Александрович Картонов. Гриша, отвлекись на минутку!

Менявший ленту самописца Картонов с трудом, потому что стоял на коленях, повернулся к Василию и протянул через пульт запачканную чернилами руку:

– Григорий!

Оператор правого борта, оторвавшись от журнала, сухо представился:

– Файзуллин Вячеслав!

– А это Ваш наставник, первый управленец Витольд Петрович Михайлов, – взглядом показал Примака на оператора левого борта.

– Надеюсь, не откажешь, Петрович!

Петрович внимательно оглядел Василия и, пожав руку, сказал:

– Вообще-то в экипаже меня зовут Марат!

Василий пригляделся. Где-то около сорока. Широкий лоб, прямой нос, широко расставленные серо-голубые глаза, спокойное красивое мужественное лицо. Под спецодеждой угады-

вались накачанные тренировками мускулы. Как будто сошел с картины Васильева! И, судя по возрасту, не карьерист. Загадочная личность.

Между тем голос в динамике «Каштана» объявил:

– Оружие и механизмы проверить в электрическую, гидравликой, воздухом! Марат Петрович повернулся к переговорному устройству и продублировал команду в реакторный отсек. Затем скомандовал в турбинный отсек:

– Обе турбины взять на ВПУ, проверить на передний и задний ход!

Из отсека отрепетовали команду.

– Заниматься будете здесь. Я буду получать всю необходимую Вам литературу на пульт, – Примак показал, на встроенный в нишу блока СУЗ сейф, – а Вы по ф-7 у меня. Сейчас нет необходимости выставлять здесь вахту, да и людей недокомплект, не все вернулись из отпуска, так что недельку-другую Вы – бессменный дежурный по главной энергетической установке. В общем, потихоньку войдете в курс всех дел. А теперь запишем Ваши данные, – он вытащил из кармана синий блокнотик с потертым силуэтом Петропавловской крепости, и приготовился записывать в него ответы Василия.

Периодически их диалог заглушался пронзительным звуком вызова «Каштана», и Марат Петрович отвечал или сам подавал куда-то команды. Василий прислушивался к этим разговорам, пытаясь понять смысл происходящего, но сбился и потерял всякий интерес. В один из вызовов краем уха уловил:

– Петрович, пусть лейтенант зайдет к нам!

«К нам» означало корабельный радиационно-химический пост (КРХП), который размещался рядом.

– Ермошин, – представился стоящему у входа Василию, начальник химической службы, – проходи! Василий и рад был бы войти внутрь КРХП, но этого не позволяли крохотные размеры помещения. Ермошин не церемонясь, заставил Василия расписаться в каком-то журнале за инструктаж и получение дозиметра.

– Не потеряй, раз в неделю проверка, – предупредил начхим, вручая дозиметр в цилиндрическом алюминиевом корпусе с держателем для крепления.

Проворачивание закончилось, и по трансляции объявили отработку по борьбе за живучесть.

– Лейтенант-инженер Бобылев есть? – опять раздалось в пультовой выгородке. – Прибыть в девятый отсек. Василий узнал теперь уже ненавистный голос Рысакова.

– Началось! – раздраженно подумал он.

– Не потеряйтесь! Это последний отсек. Ключи от пульта возьмете у дежурного, – услышал Василий вдогонку голос командира дивизиона. В отсеке его ждали.

– Смирно, новому командиру отсека! – сверкнув белозубой улыбкой под, аккуратными щегольскими усиками, скомандовал четверем подводникам, прижавшимся почти вплотную к стабилизаторам стеллажных торпед, высокий старший лейтенант в кителе и белой фуражке.

– Александр, – коротко представился старлей и объяснил для чего он здесь. Это был, тот самый КГДУ-6, про которого дежурный по санпропускнику сказал, что он на корабле вроде бы не служит. Старшего лейтенанта Ковтукова назначили на новое формирование в экипаж строящегося корабля. Для того, что бы полностью рассчитаться с К-30, как бывшему командиру девятого отсека, ему осталось сдать аварийное имущество и водолазное белье, которое числилось за ним. Довольно быстро он познакомил Василия с личным составом отсека. Представил своего заместителя, старшего специалиста-торпедиста мичмана Крутикова.

Коротко стриженный, с аккуратным чубчиком, худенький Крутиков, выглядел школьником даже на фоне моряков срочной службы.

«Интересно, сколько ему лет?» – засомневался по поводу его возраста Бобылев. Спокойный и рассудительный, атлетически сложенный, трюмный-машинист Денисов смотрелся

куда серьезней и старше Крутикова. Особенно обрадовался Василий уже знакомому ему рулевому-сигнальщику Сажину, который к тому же оказался его тезкой. Представив кока-инструктора, Ковтуков отпустил его, сказав что, выдернул кока с камбуза только для того, чтобы показать, что и он должен быть здесь.

– Проку от него никакого, хотя по боевой тревоге расписан на посту аварийного управления вертикальным рулем, – презрительно сморщив губы, пояснил Александр. Затем он сообщил в центральный пост о прибытии Василия.

– Занимайтесь! Как закончите – мне письменный рапорт! – ответил динамик громкоговорящей связи голосом помощника командира. Около часа заняла сверка аварийного имущества: комплектов легководолазного снаряжения ИСП-60, шерстяного водолазного белья, бачков с аварийным запасом пищи и воды. Аварийный инструмент Ковтуков предложил не считать:

– Честно говорю, кое-чего не хватает. Напишешь заявку на пополнение.

Василий согласился и подписал тут же написанный рапорт о приеме отсека. Пока они занимались передачей дел, по трансляции объявили о начале работ по планам командиров боевых частей.

– Ну что, перекур! – предложил Александр. – Поднимайся наверх, курилка в корне пирса, а я выйду через центральный пост! Отдам Рысакову рапорт.

Скамейка рядом с вкопанной в землю бочкой для окурков была пуста. Курить не хотелось. Теплый ветер приятно обдавал тело. В шум волн врывались жалобные крики парящих в воздушных потоках чаек. Василий остановил свой взгляд на подводной лодке, привязанной ослепительно белыми нейлоновыми канатами к сияющим блеском круглоголовых черных лысин кнехтам. Словно загадочное живое существо, мощным, черным телом она покачивалась на волнах, и дышала, периодически с шумом выбрасывая через оранжевые отверстия шпигатов водопады воды. Теперь она казалась лейтенанту не такой безобразной, как представлялось вначале. Он задумался. Изящные изгибы обводов корпуса. Строгое совершенство ходовой рубки. Очерченные кокетливыми белыми линиями на сплошном черном фоне легкого корпуса, контуры выгородок и цвета старого серебра поверхности отражателей гидроакустической станции. Эту подводную лодку никак нельзя назвать кораблем. Она не может быть мужского рода. Природа другая! Не зря же древние кораблестроители на форштевнях самых удачных своих творений размещали на одних фигурку какого-нибудь сказочного чудовища, а на других скульптуры богинь. Они чувствовали их естество. Почему с самого начала появления подводных лодок, не прижились названия «подводный корабль» или «миноносец», как их именовали первоначально в Морском Ведомстве? Потому что корабль – он. А это – она.

– А вот и я, – вывел Василия из задумчивости, голос Ковтукова.

– Угощайся! – сказал он, и протянул Василию открытую пачку «Мальборо».

– Неплохо живешь! – заметил Василий, беря сигарету.

– Как умеем!

– Все в порядке?

– Без вопросов. Ты Дзержинку закончил?

– Да.

– То-то я смотрю лицо знакомое!

– Я тебя тоже узнал!

– Мир тесен! Ты где остановился?

– В гостинице.

– Советую, как обживешься, найти жилье в Техасе. В гостинице не отдохнешь. По любому поводу будут выдергивать!

– Я уже это понял.

– А как первые впечатления о дивизии?

– Да ничего, порядок, даже девчонки красивые есть!

– Это ты где таких красавиц встретил?

– В магазине, – признался Василий.

Ковтуков хмыкнул:

– Светик! Продащица в магазине! Во-первых, она замужем. Муж на Новом пирсе, надводник – старлей. Во-вторых, это ничего не значит, потому что она принадлежит начпо! Вместе с магазином. Говорят, она этого даже перед мужем не скрывает. Он пытался ей взбучку за это устроить, а она: «Видишь квартиру, кто ее нам дал? Александр Николаевич! Видишь стенку! Тебе выделили? Нет, мне ее дал Александр Николаевич! Без Александра Николаевича пришлось бы даже на голом полу спать!». Такая вот она Светик! Вся дивизия знает. Есть только один вопрос! Ты Артющенко видел?

– Еще не пришлось, – помрачнев, ответил Василий.

– Ничего. Увидишь – поймешь! Как он с таким животом ее ублажает? – закатился раскатистым смехом Ковтуков. Увидев, как изменилось настроение Василия, Александр, похлопав его по спине, остановился:

– Не обижайся, у нас кроме этой Светик полно шикарных девчонок!

Успокоившись, он спросил:

– Говорят, ты с нашим Рысаком поцапался?

– Было дело.

– Зря. Его не изменить. Ты же инженер. Для него, офицер второго сорта.

– Я думаю, это зависит не от служебного положения, а от того, какой ты человек!

– Верно. Не переживай! Он, наверное, уже понял, что переборщил!

Ковтуков замолк.

– Саш, – прервал молчание Василий, – ты, наверное, рад, что будешь служить на новых лодках?

– Нисколько! Два года прослужил на К-30 и более лучшего экипажа, наверное, никогда не увижу!

– А как же ты попал на новый проект? Туда насильно никого не загоняют!

– Это, Вася, личное. Я тебе очень благодарен за отсек, приезжай в субботу в Техас. В 19 часов отходная в кафе. Жду!

– Спасибо! Сам понимаешь, не могу!

– Ну, как знаешь, я был бы очень тебе рад. Если решишь, приезжай! А пока, прощай!

Они обменялись рукопожатием, и пошли в разные стороны, каждый навстречу своей судьбе.

Глава III

Для Василия начались трудные рабочие будни. До обеда в девятом отсеке – проворачивание оружия и технических средств, отработка по борьбе за живучесть и уход за отсеком, после обеда – изнурительные занятия по специальности на пульте. Вечером, в опустевших отсеках – практика на боевых постах. Даже ночью приходилось спать с перерывами. Дежурные по кораблю были обязаны для отработки вахты проводить в ночное время не менее двух учебных аварийных тревог. Но, понимая положение Василия, они не напрягали его. Другое дело вводные проверяющих – дежурного по соединению и дежурного по живучести. Хочешь, не хочешь, а обязанности дежурного по ГЭУ выполняй. Привык спать урывками.

Выпросил у интенданта Володи Шахисламова бэушный комплект «РБ». Обстоятельства потребовали, сухой и чистой одежды не напасешься. Дотошный комдив, принимая зачеты, требовал досконального знания материальной части. Расскажет, допустим, Василий устройство системы регулировки, управления и защиты турбинами, ответит на вводные по боевому применению, а Владимир Федорович вопрос:

– Где находится перепускной клапан гидравлического манипулятора отсечной арматуры резервного питательного насоса? Или слив водяных реле? Василий объясняет.

– Покажите!

Идут в турбинный отсек, где экзаменуемому приходится лезть с переносной лампой в трюм отсека, извиваясь всем телом между трубопроводами и арматурой. Наконец малюсенький маховичок найден. И повернувшись на спину, изрядно накупавшийся в скопившемся между шпангоутами конденсате, Василий радостно кричит через переплетения трубопроводов в находящийся на высоте трех метров от него узенький просвет лаза палубы:

– Нашел!

Сначала раздраженный педантичностью начальника, он постепенно начал понимать, что тот прав, и все это делается для него же. Хаотические знания начали выстраиваться во взаимосвязанные цепочки, скрепленные железной логикой приобретенного опыта. Василий никогда не жаловался на недостаток памяти, но, честно говоря, немного испугался, когда понял, что от него требуется. Теперь же, день ото дня, он чувствовал, как растет его уверенность в своих силах. Конечно, не последним было то, что Василий окончил Дзержинку. Не зря высшее Военно-морское инженерное училище имени Дзержинского называли «кузницей кадров». Оно вело свое начало с августа 1798 года, когда указом императора Павла I, в Санкт-Петербурге было основано первое в мире военно-морское инженерное учебное заведение – Училище корабельной архитектуры. Вполне обоснованно считалось, что выпускник этого училища имеет более высокую квалификацию, чем инженер-механики, подготовленные в других учебных заведениях.

Как-то вечером, Примака, стоявший дежурным по живучести, после приема зачетов, спросил у него:

– Как там Дзержинка?

Услышав несколько знакомых фамилий, заулыбался:

– А Забавин еще преподает?

– Вроде бы да. Только я его ни разу не видел, – ответил Василий.

– Жаль, это же человек-легенда! – восторженно произнес комдив.

Когда Примака был курсантом, наверное, не было ни одного выпускника, который не знал бы хотя бы одной из многочисленных анекдотичных историй про старшего преподавателя кафедры морской практики капитан 1 ранга Алексея Александровича Забавина, скорее всего большей частью придуманных самими курсантами. Участник довоенных дальних походов на крейсере «Аврора», высокий и грузный, с лицом изрезанным глубокими морщинами,

как будто вырубленным из необработанного полена неумелым дровосеком, всегда загорелым, Примаку он почему-то напоминал огромного, покрытого ракушками кита. Это сходство усиливала картина, увиденная им однажды в бассейне, находившемся в бывшем здании лютеранской церкви на Невском проспекте. Забавин нырнул с тумбочки, без брызг вошел в воду, и от его огромного тела вода в бассейне поднялась так, что часть ее захлестнула его края. Вспомнив себя молодым, он говорил: «Курсант нынче мелкий пошел, пузатый, не то, что раньше». Но курсантов он уважал. Владимир Федорович хорошо помнил случай, когда в летнем лагере Дзержинки его, стоявшего рассыльным, вызвали к Забавину. Капитан первого ранга сидел на складном стульчике, на берегу залива, и, закрыв глаза, с удовольствием подставлял свое коричневое от загара лицо потокам нагретого солнечными лучами морского воздуха. Примак доложил о прибытии. Забавин, не прекращая солнечных процедур, объяснил задачу:

– На КПП находится моя дочь. Будьте добры, сопроводите ее ко мне.

Примак заерзал на месте: «Как он ее узнает? Посетителей на КПП и в будние дни бывает много! Особенно девушек!». Слово угадав мысли рассыльного, Забавин пояснил:

– Узнаете! На меня похожа!

Девушку с лицом Забавина, молодой курсант на КПП, слава Богу, не нашел, зато на его вопрос: «Кто здесь к капитану первого ранга Забавину?» – откликнулась симпатичная невысокая девушка лет шестнадцати.

Примак с удовольствием проводил ее к отцу. Увидев отца, девушка бросилась ему на шею и расцеловала его. Курсант, чтобы не мешать трогательной семейной сцене, отвернулся к заливу.

– Тебе придется минут двадцать подождать меня. Я, как говорится, сегодня старший на рейде. Можешь взять бинокль. Чтобы не скучно было, посмотри, как гребут курсанты! – услышал он обращавшегося к дочери Забавина.

«Неужели возьмет бинокль!» – Примак с удивлением повернулся к Забавиным. Дело в том, что еще никто не греб. Раздетые до гола курсанты, по пояс в воде, несколько кабельтовых должны были вести пустые ялы по мелководью Финского залива для того, чтобы выйти на глубину. Раздевались специально, потому, что мокрые трусы или плавки, за полчаса гребли тяжелым веслом, превращали ягодицы в кровавую рану. Девушка, не стесняясь отца, с интересом рассматривала в бинокль обнаженных ребят. Заметив недоуменный взгляд Примака, Забавин спокойно изрек:

– Пусть посмотрит! Будет знать, каким должен быть настоящий мужик!

Алексей Александрович никогда не стеснялся своего деревенского происхождения. Самым уважаемым человеком для него был печник. Иногда на лекциях он отвлекался, рассказывая, как ценился в деревне умелый мастер. Когда курсант Примак сдал зачеты по навигации, Забавин сказал ему: «Штурман из тебя, конечно, как из меня печник, но моряком ты будешь хорошим». Владимир Федорович считал, что именно ему он обязан «путевкой в жизнь». При поступлении в училище, после занятий по управлению шлюпкой, он, с натертой до крови ладонью руки, заступил в наряд на камбуз. На другой день рука начала распухать, образовался гнойник. Примака отправили на операцию в Ленинград, в первый Военно-морской госпиталь. Руку несколько раз чистили, и ему пришлось пролежать там три недели. Когда приехал обратно в лагерь, ему сказали, что если не будут сданы зачеты по шлюпочной практике, он будет отчислен. Как их сдавать, если занятия уже закончились? С чувством обреченного Володя Примак все же пришел к Алексею Александровичу. Тот буднично спросил о здоровье, взял зачетку и молча расписался. А ведь прецеденты по безжалостному отчислению кандидатов в курсанты, не прошедших так называемый «курс молодого краснофлотца», были!

– На пенсии. Болеет часто! Поэтому и не видели его! – сделал вывод Владимир Федорович. – А как сдавали гидромеханику?

Расчувствовавшись, он рассказал, как было в его время. Требуя безукоризненных знаний, преподаватели, тем не менее, всегда оставляли даже самому нерадивому курсанту последнюю надежду на сдачу предмета. В этом случае были показательны экзамены на кафедре гидромеханики. Прекрасно зная подготовку своих слушателей, на экзамен в наиболее слабую группу преподаватели приглашали «отца русской гидромеханики», профессора, капитана 1 ранга Патрикеева. Его усаживали в специально приготовленное кресло, где он, в силу преклонного возраста, не обращая ни на что внимания, дремал. Время от времени его будили, представляя засыпавшегося курсанта. Скользнув взглядом по соискателю положительной оценки, Патрикеев задавал всегда один и тот же вопрос: «Нарисуйте силы, действующие на подводную лодку!». Как правило, все рисовали, рассказывали, и некоторые даже доходили до дифференциальных уравнений. Удовлетворенный ответами в большинстве случаев, Патрикеев констатировал: «Этот курсант для науки не опасен! Поставьте ему троечку!».

Василию помогали. Несколько дней в девятый отсек, на отработку по борьбе за живучесть приходил командир дивизиона живучести капитан лейтенант-инженер Лавров.

– Старпом приказал помочь в освоении, сами можете не успеть, – пояснил он.

Лавров не вмешивался в действия Василия, просто сидел на диванчике поста резервного управления рулями, заполняя какие-то приносимые с собой журналы. После отработки, когда личный состав уходил на перерыв, и они оставались одни, высказывал, что ему не понравилось: «Личный состав разболтался, в отсеке ходит без ПДУ. Чем это грозит? Тем, что он в случае возгорания погибнет, наглотавшись угарного газа, и не сможет выполнить свои обязанности. А это чревато необратимыми последствиями для всего корабля. Ваш отсек – одна девятая подводной лодки. Мало ли, что ему неудобно ходить с ним. Необходимо заставить, чтобы и спал с ПДУ! Тогда не только он, но и мы будем живы». В другой раз, увидев, что личный состав по вводной, накинув на себя ИДА-59, не надевает шлем-маски, он возмутился: «Они у Вас отработанные. Каждый по полтора года прослужил! Обязательно нужно тренировать их в аппаратах включенных «на атмосферу»! Много интересного, кроме того, что есть в технической документации, он рассказал ему об использовании аварийно-спасательных устройств и станций пожаротушения: «Практика! Написано кровью!».

Между тем подводная лодка готовилась к сдаче задачи Л-1 «Подготовка подводной лодки к плаванию и решению боевых задач по предназначению», одним из элементов которой было содержание корабля. Василию все больше времени приходилось уделять отсеку. Личный состав отсека оказался добросовестным и исполнительным. Чувствовалась школа бывшего командира отсека старшего лейтенанта Ковтукова. Бобылев сразу нашел с моряками общий язык. Все чистилось и красилось. Приводилась в порядок отсечная документация. В субботу, перед окончанием большой приборки по трансляции объявили:

– Корабль к смотру!

– Старпом с комиссией будет проверять! – сообщил Василию мичман Крутиков. Когда комиссия прибыла в восьмой, всем отсеком, дыша, друг другу в затылки, с любопытством столпились у чуть приоткрытой переборочной двери. Сначала слышались глухие, еле различимые разговоры, шум поднимаемых пайол – это комиссия работала на нижней палубе. Потом голоса усилились и стали отчетливо слышны.

– Подведем итоги. Ржавчина на трубопроводах, грязь под рундуками в каютах, в носовом трюме лягушки квакают! Чем вы только здесь занимаетесь? – узнал Василий голос старшего помощника командира капитана 3 ранга Рязанова.

– А что я сделаю? Интендант коков забрал! У трюмных клапан подсушки пропускает! – отвечал ему командир отсека.

– Снимите розовые очки и белые перчатки, товарищ командир отсека! Поддержанием порядка в отсеке Вы должны заниматься постоянно, а не только на большой приборке. Оценка «неудовлетворительно» – отрезал невидимый старпом. И кому-то добавил:

– Прямо страна не пуганых идиотов! Такое впечатление, что их за вымя еще никто не трогал!

Едва успев отскочить от переборки, Василий подал команду «Смирно!» отбежавшему от двери личному составу отсека. Срывающимся голосом, он доложил Рязанову о готовности к смотру. Кроме старпома в комиссию входили два мичмана: секретарь парторганизации Ефремов и боцман Орлов, а также хорошо известный ему помощник командира капитан-лейтенант Рысаков.

«Сейчас начнет копать», – подумал про Рысакова Василий. К его удивлению, проверка прошла спокойно, если не считать два несерьезных замечания. Старпом даже поблагодарил его: «Хорошо начинаете службу, товарищ лейтенант!». Василий был на «седьмом небе» от счастья: «Этот Рязанов настоящий старпом – суров, но справедлив! Да и Рысаков не злопамятен!»

Похоже, правы те, кто считает, что жизнь, как шкура зебры, состоит из светлых и темных полос. Василию опять пришлось пройти по закрашенной полоске судьбы. Уходя, Рысаков протянул ему темно-синюю корочку:

– Вот Ваш пропуск для прохода на территорию дивизии. По номеру указанному в нем, на КПП обменяете его на другой пропуск, по которому Вас пропустят на территорию зоны строгого режима. В понедельник в 8.00 строевой смотр перед штабом соединения. Повторите функциональные обязанности и статьи уставов. После опроса жалоб и заявлений прибудете в кубрик на итоговые политзанятия за летний период обучения.

– Но ведь у меня зачет. Я окончил училище! – не выдержал Василий.

– Ничего, посидите для комплекта, может, что-то новое расскажете, – отрезал Рысаков и повернулся к нему спиной, давая понять, что все возражения лишены смысла.

Вечером воскресенья, с чувством человека, возвратившегося из длительной командировки, Василий пришел в свой номер в гостинице. За две недели ничего не изменилось, сосед еще с моря не вернулся. Вечер ушел на подготовку к смотру и выполнение рутинных обязанностей холостяка – стирку белья. Писать никому Василий не стал. Не о чем!

Строевой смотр проходил на плацу перед казармами. За время учебы Василий привык к таким мероприятиям. Время тянулось долго и нудно. И только на опросе жалоб и заявлений произошло событие, вспоминая которое, каждый раз Василий не мог удержаться от смеха.

– Смотри вправо, – толкнув локтем, прошептал ему, стоявший рядом Файзуллин Слава, – Стеблов в своем амплуа! Василий скосил глаза. Справа, в коридоре между двумя шеренгами стоящих лицом друг к другу младших офицеров, в окружении свиты специалистов штаба и политработников, медленно двигался в их направлении командир дивизии контр-адмирал Храпов. Возле кого-то из опрашиваемых он останавливался, и тот докладывал о том, что он такой-то – такой-то, жалоб и заявлений не имеет, или имеет. Жалоба выслушивалась Храповым и записывалась старшим помощником начальника штаба. Сначала Василий не понял, зачем его толкал Слава. Затем догадался, что смотреть надо на лейтенанта богатырского вида, с ярким румянцем щек над пшеничными усами, стоящего в шеренге напротив. Воротник кителя, который казалось, разойдется по швам на могучей грудной клетке молодого офицера, был расстегнут. Лицо лейтенанта излучало такое изумительное спокойствие, как будто он всегда ходил на строевые смотры только с незастегнутым на крючки воротом.

«Ну, это наглость! Неужели он не понимает, что ему влетит от командира дивизии», – возмутился Василий. Очевидно об этом же думали офицеры штаба, все чаще, по мере приближения комдива, бросавшие на лейтенанта тревожные взгляды. Не закрытую воротником шею видел и Храпов, но ничего не предпринимал, продолжая размеренное движение между шеренгами. Только лицо его, как показалось Василию, из бледно-серого стало красным.

– Почему у Вас расстегнут воротник? – не обращая на лейтенантское «Имею жалобу», спросил Храпов у наглеца. Шеренги и свита затихли.

– Мне мал китель, товарищ контр-адмирал!

– Я у Вас спрашиваю не про китель, а про воротник!

– Воротник тоже мал, товарищ адмирал!

Чувствуя, что он проигрывает словесную дуэль какому-то лейтенанту, который наверняка врет, Храпов предложил:

– Вытяните шею, воротник обязательно сойдется.

Лейтенант, изобразив, как он вытягивает шею и застегивает воротник, развел руками:

– Все равно не застегивается, товарищ адмирал!

– А хотите, я Вам застегну? – ядовитым тоном спросил комдив.

– Попробуйте! – ответил хитрец, уверенный в том, что все закончилось. Но адмирал думал по-иному. Он протянул свои руки к шее лейтенанта и попытался свести кромки воротника. По комплекции адмирал ничуть не уступал лейтенанту. Со стороны было видно, как напряглась шея Стеблова. Шеренги с интересом ждали результата поединка двух богатырей. Воротник не сходился. Треск материи заставил Храпова опустить руки.

– Ну, что там у Вас, Стеблов? – тяжело дыша, спросил адмирал. Подбежавший к адмиралу командир корабля, интеллигентного вида капитан 2 ранга, с лету доложил за лейтенанта:

– Лейтенант-инженер Стеблов хотел заявить жалобу. Второй год на новый китель пошивочные не выдают!

– Начальник тыла! Решить вопрос с пошивочными! – приказал Храпов. Даже не взглянув на капитана второго ранга, адмирал направился к шеренгам мичманского состава. Свита засеменила за ним.

– Пора Вас снимать с довольствия, Стеблов! Что это такое? Воротник на Вашей шее даже комдив свести не может! – рассерженно заявил командир корабля.

– Никак нет, товарищ командир! – нарочито испуганным голосом ответил, виновник переполоха, медленно застегивая воротник на крючки. Из шеренг младших офицеров, в адрес шутника полетели соленые замечания:

– Отъелся, бычара!

После окончания смотра строем, молча промаршировали до казармы.

– Итоговые политзанятия офицеров в кубрике личного состава, – объявил дежурный по команде, собравшимся в курилке за казармой офицерам. В кубрике все было приготовлено. Там, где обычно выстраивался личный состав для вечерней поверки, стояли два стола, соединенные вместе, накрытые кумачовой скатертью. Перед столами рядами были поставлены стулья, снесенные сюда из кают. Василий сел, и от нечего делать стал рассматривать стоящую на столе, рядом с графином и двумя стаканами, бирюзовую вазу с полевыми цветами.

– Товарищи офицеры, – подняла и повернула всех к проходу команда, поданная кем-то из сидящих.

– Товаггыщи офицеггы, – буднично програссировал «р» в ответ чересчур полный, с животом, который уже давно перестал быть животиком, капитан 1 ранга. В компании Рысакова, замполита Астапова, с которым Василий познакомился, становясь на комсомольский учет, и смазливого, совсем не похожего на корабельных офицеров, капитана 3 ранга, он направился к столам.

– Кап-раз это начпо, а майор – проверяющий, – пояснил Файзуллин.

«Так вот он, какой Артющенко», – подумал Василий и уставился на живот капитана 1 ранга, пытаясь определить, прав ли был Ковтуков. Но офицеры сели за стол, и интересующая его часть тела начальника политотдела стала недоступна для обзора.

– Разрешите начать, – спросил у Артющенко Астапов, и, получив удовлетворительный кивок головой, зачитал тему семинара с отпечатанного на пишущей машинке листа. Семинар проходил как по нотам, для ответа на каждый вопрос поднималось несколько рук. Офицеры, одни по бумажке, другие без нее успешно отвечали по теме.

– Молодец зам, здорово распределил вопросы! – думал Василий, уверенный в том, что ему отвечать не придется, и он спокойно отсидит до конца семинара. Но человек предполагает, а Бог располагает. Не успел Василий успокоиться, как проверяющий заметил Астапову:

– Почему у Вас молодежь не участвует в семинаре?

– Как не участвует? Только что раскрыл вопрос об экономической интеграции стран СЭВ командир электротехнической группы лейтенант Петров! А перед ним выступал начальник химической службы старший лейтенант Ермошин, – нашелся замполит.

– А вот этот товарищ лейтенант почему молчит? Я ни разу не видел его поднятой руки! – указав на Василия, сказал капитан 3 ранга.

– Да, да, – поддержал его Артющенко, – прямо как воды в рот набрал.

– Бобылев! Есть у Вас, чем дополнить ответ лейтенанта Петрова? – спросил Астапов.

Василий ломал голову, не зная, что сказать по этому вопросу.

– Смелее, товарищ лейтенант! Вы же инженер. Неужели Вам как специалисту ничего неизвестно о взаимодействии стран Совета Экономической Взаимопомощи в технической области, – подталкивал замполит.

«Кажется, что-то есть», – решил он. Василий начал рассказывать об интеграции в области ядерной энергетики, где и с чьей помощью в социалистических странах строятся и эксплуатируются построенные атомные электростанции. Привел различные примеры, в том числе об изготовлении парогенераторов для атомного реактора на быстрых нейтронах для электростанции в г. Шевченко, на заводах ЧКД «Прага» в Чехословацкой социалистической республике. Когда Василий смолк, проверяющий спросил:

– Не совсем понятно, для чего понадобилось столь важное для нашей страны оборудование, плод инженерной мысли советских ученых, изготавливать где-то в Чехословакии? Поясните!

– Заводы ЧКД «Прага» традиционно известны экономичным производством и высокой технической культурой. Следовательно, выбрав эти заводы, мы не только снижаем ценовые показатели парогенераторов, но и увеличиваем гарантию их безаварийной эксплуатации.

Проверяющий задумался.

– Вы хотите сказать, что на наших заводах не идет борьба за экономию, а нашему рабочему классу недоступна высокая техническая культура?

– Нет. Я этого не говорил. Но исторически сложилось так, что эти заводы обладают более высоким техническим потенциалом.

– Достаточно! Ход Ваших мыслей ясен! У меня больше вопросов нет.

Возвращаясь с перерыва, Василий обратил внимание на то, что стоявшая у входа троица

– Артющенко, Астапов и проверяющий, как-то странно смотрят на него.

Смысл этих взглядов стал понятен ему только после заключительного слова проверяющего.

Капитан 3 ранга похвалил экипаж за подготовку к семинару, выделив ответы отдельных выступающих. Отметил в этом заслугу командования корабля, партийной и комсомольской организаций. Но дальше было то, что называется ушатом грязи, который он целиком и полностью вылил на Василия.

– Мне очень не понравилось выступление лейтенанта–инженера Бобылева. Наша страна является лидером во многих областях науки и промышленного производства не только среди стран СЭВ, но и в мире. Достаточно вспомнить наши космические достижения, успехи оборонной промышленности по созданию самого лучшего в мире вооружения и техники. А Бобылев в своем выступлении принижает возможности нашего рабочего класса и интеллигенции. Он говорит, что на наших заводах нет высокой технической культуры. Что он хочет этим сказать? Что наши рабочие и инженерно-технические работники отсталые, малокультурные люди! Разве это так, товарищи офицеры?

Василию стало не по себе. Он уже не различал, что говорит проверяющий, и только отдельные фразы и слова – «аполитичность», «дезориентировать нашу молодежь, отравить ее сознание», «уничтожение», «безыдейность», «политическая близорукость», «ложная оригинальность» острыми железными занозами вонзались в мозг, заставляя его страдать от несправедливого перевертывания фактов и собственного бессилия.

– Я думаю, – сказал капитан 3 ранга, обращаясь к Астапову – товарищ лейтенант не настолько потерянный в идейном плане офицер, чтобы партийная и комсомольская организации корабля не смогли оказать на него свое благотворное влияние. Мне известны фамилии многих партийцев на вашем корабле, верных проводников идей партии в массы.

– Да! Да! – поспешил его заверить, совсем было поникший замполит.

– Давайте заведем нашего прогвегяющего, – обращаясь к офицерам, сказал начпо, – что офицер Бобылев сделает пгггавильные выводы, а мы поможем ему, – начпо наморщил лоб, – годика так чегггез два стать кандидатом в члены КПСС!

– Товарищи офицеры! – подал команду Астапов, и офицеры, подождав, когда начпо и проверяющий, в сопровождении Рысакова выйдут из кубрика, захватив стулья, начали расходиться по каютам.

Василию казалось, что все на него осуждающе смотрят, обсуждают между собой, но ему ничего не говорят.

– Ну, хоть кто-нибудь что-то сказал! – переживал он, решив зайти в каюту командиров групп.

– Какие люди! Кандидаты на лесоповал, – услышал Василий, едва открыв дверь. Следующая фраза «Не экипаж, а антисоветское логово!» потонула в громком хохоте присутствующих. Кроме автора этих фраз, киповца Гриши Картонова, в помещении находились Файзуллин и лысый, выглядевший старше своих лет КГДУ-5, командир 8-го отсека Иванченко. Василий мрачным взглядом обвел смеющихся. Под его взглядом смех стал затихать.

– Да ладно, не тушуйся! – взяв за плечи, потряс его Гриша Картонов. – От инженеров человеческих душ можно ожидать всего. Лучше скажи, как дела с зачетами!

– Процентов пятьдесят!

– Понятно! Мы тут гадаем, когда представляться будешь!

– Не торопи мужика, люди по году сдают! – заметил Иванченко.

– По году водку пьют, а Вася с корабля не сходит!

– Лучше водку пить, чем гнить на корабле и получать за это ярлыки от политрабочих!

– Ребята, успокойтесь, я не маленький, разберусь, – огрызнулся Василий и вышел из каюты. После разговора с управленцами, на душе стало немного легче.

Стараясь забыть происшедшее, он с еще большим упорством продолжил свои занятия. В сейфе на пульте появилась «Инструкция по использованию средств движения ПЛА». Владимир Федорович предупредил Михайлова:

– Марат Петрович, пора натаскивать лейтенанта. По слухам, на следующей неделе выходим на сдачу второй задачи. В ТГ-режиме будем сажать Василия за пульт. Под твоим наблюдением, разумеется!

С этого момента, после проворачивания и отработки Марат стал задерживаться на корабле. Михайлов никогда не ругался и не вспливал. Если у Василия что-то не получалось, в мягкой манере ненавязчиво показывал, как делать правильно или советовал еще раз найти в литературе описание этого маневра. Объясняя какие-нибудь моменты, он мог по памяти нарисовать любой узел главной энергетической установки со всеми конструктивными изменениями за весь период эксплуатации корабля. Кое-чего Марат Петрович рассказал о себе. Ему сорок два года. Казалось бы, отличному специалисту и дисциплинированному офицеру открыты все пути. Командиры кораблей наперебой зазывали его к себе. Командование ЭМС соединения чуть ли не силком пыталось назначить Марата Петровича на вышестоящую долж-

ность. Но карьера никогда не привлекала его. На все предложения он отвечал неизменным отказом. Василий, думая об этом, мысленно соглашался с Михайловым, но не понимал его.

«Может, я просто не все знаю о жизни этого человека», – пытался убедить себя он. Кроме этого, Марат Петрович был холост. Различного рода кумушки пытались, как он говорил сам, «охмурить» его, но из этого ничего не выходило. Это было тем более странно, что каждый свой отпуск убежденный холостяк посвящал туристическим маршрутам и восхождениям на труднодоступные горные вершины, которые покорял, судя по привезенным фотографиям, в окружении симпатичных спортивных девиц. Некоторые из них приезжали к нему, но, прожив дня два-три, ни с чем уезжали обратно. Впрочем, и эту странность Василий отнес на свое непонимание жизни. Вся жизнь Марата Петровича, на данном этапе, была направлена на подготовку к единственному желанному событию, которое должно было наступить через 3 года, ДМБ как он говорил, или увольнению в запас, как сказано в законе о прохождении воинской службы. К нему он должен был подойти, сохранив здоровье и молодость. Марат Петрович постоянно поддерживал высокую физическую форму, о чем свидетельствовали играющие под спецодеждой бугорки мышц, в своем рационе использовал хитроумные различные диеты и вел исключительно здоровый образ жизни. Офицеры беззлобно подшучивали над ним, особенно над его диетами. Марат относился к шуткам спокойно. Старый управленец посочувствовал Василию, когда узнал о происшедшем на семинаре. Сам он в это время руководил вводом корректирующих добавок в первый контур реактора и на итоговых политзанятиях не присутствовал.

– Не повезло тебе, – участливо произнес он. – Сделать они тебе ничего не сделают, сейчас не 37-ой год, но вспоминать будут при каждом удобном случае. Майоришка этот, наверное, от радости руки потирает, везде тишь да гладь, вроде бы все хорошо, а он вот оказался самым бдительным, и ересь в самом центре атомного флота узрел. Непременно пойдет на повышение!

– Какие-то вы, молодые невезучие! – вздохнул Марат Петрович.

– А кто еще? – удивился Василий.

– Как кто? Твой прямой предшественник – Шура Ковтуков. Я ему всегда говорил, девки до добра не доведут!

– А что с ним?

– Не хочется говорить, но я расскажу. Все равно весь корабль знает и тебе может урок будет. Ты его видел, парень красивый, девки к нему липнут со всех сторон. И он ни одной не пропускает. Познакомился Шура с такой на танцах в клубе офицеров. Девушка без комплексов, сразу в постель. Шура думал на этом все, у него таких подруг много было. А она ему на следующий день:

– Моя мама хочет с тобою познакомиться.

– По какому поводу?

– Она тебе все скажет!

Ну, Шурик парень понятливый:

– С твоей мамой нам не по пути!

На следующий день Шуру вызывают в политотдел вместе с командиром. Артюшенко командировал сразу в лоб:

– В вашем экипаже служит аморальный тип, растлитель несовершеннолетних старший лейтенант Ковтуков. Лишил чести девушку, которой только через неделю исполнится 18 лет. Родители согласны закрыть глаза на этот вопиющий факт, если Ковтуков женится на ней.

Шура стал отпираться:

– Она мне не сказала когда у нее день рождения, да и не девочка она была. Я лучше повешусь, чем женюсь.

Завирухин тоже возмутился: причем тут он? Ничего не добившись, начпо отпустил их. А дальше стал вызывать через день. Родители у этой девицы не простые. Папа – начальник полит-

отдела спецчастей, а мамочка председатель женсовета гарнизона. Вот здесь какой-то умный человек посоветовал отправить строптивного жениха на новое формирование.

«С гонором этот Шурик, если мне эту фигню не мог рассказать», – с обидой подумал Василий, узнав истинные причины назначения Ковтукова на новый проект.

Постепенно случай, происшедший с Василием на итоговых политзанятиях начал забываться, но иногда ему стал сниться один и тот же странный сон. Будто где он во сне не бывает, всегда с ним рядом эта троица, начпо с замполитом и проверяющий капитан 3 ранга. Они ничего не говорят, только смотрят на него с укором. А его постоянно свербит одна и та же ужасная мысль: «Неужели эта троица с ним на всю жизнь?»

Глава IV

«Даю тебе квартиру! Береги ее и не отдавай никому!» – громовой голос, казалось, исходящий со всех сторон, сотрясал все тело.

«Приснится же такое!» – придя в себя, подумал Лавров, вытирая ладонью выступивший на лбу холодный пот. В комнате еще было темно, но за окном уже брезжил запоздалый августовский рассвет. Часы на стене показывали половину седьмого. Стараясь не разбудить молодую жену, он потихоньку выбрался из-под одеяла. На секунду остановил взгляд на ее лице. Люба спала крепким сном набегавшегося за день ребенка, разметав по подушке густые каштановые локоны, вокруг нежно-розового овала лица, с длинными черными ресницами и пунцовыми губами.

С Любой он познакомился почти год назад, когда был в отпуске. На новогодней вечеринке, по приглашению школьного друга. Хотя как сказать! Заочно он узнал о ней гораздо раньше. Сразу после выпуска молодой лейтенант решил жениться. Родители девушки были не против брака, только просили спросить его согласие у своих родителей. Дома он получил решительный отказ.

– А, что тебе мешает подождать год, – недовольно ответила мать, – проверите чувства разлукой! Да и рано тебе, твои невесты еще в куклы играют. Сказав так, она для убедительности показала в открытое окно, в котором была видна улица с идущей по ней девочкой в желтом платье. Как потом выяснилось, это была Люба. Поверишь в то, что браки свершаются на небесах!

Через три месяца Лавров приехал для того, чтобы сделать предложение. Свадьбу по традиции сыграли на Красную горку. Зная, что с жильем будет трудно, он пытался отговорить Любу от поездки с ним, пока не найдет крышу над головой. Но она не согласилась.

Он осторожно приоткрыл дверь на балкон и, выйдя на него, также неслышно закрыл. Даже не скрипнула! Поежился от утренней прохлады: «Надо было что-нибудь накинуть!». С высоты девятого этажа открывался вид на поселок, расположенный в долине среди сопок. Он состоял из старой и новой частей, которые разделяла речушка, весной и после дождей бурная и полноводная, летом и в засуху – тихий ручей. Поселок носил название Тихоокеанский, но старую его часть называли, как и речушку – Промысловкой. В Приморье много Промысловок. Этим словом помечали на картах рыбаки всякое подходящее для жилья, обработки и хранения рыбы место на берегу. Старая Промысловка сохранилась в своем первоизданном виде. Она состояла из одноэтажных кирпичных и деревянных домов, и ничего нового в ней не строили. Однако с балкона старого поселка не было видно. С него можно было наблюдать только новую его часть. Слева – новостройки и прилегающий к ним, истоптанный и обхоженный участок тайги с началом речушки, на берегах которой жители обычно проводили свои пикники. Справа – сам Тихоокеанский, в большинстве своем состоящий из похожих на казармы, четырехэтажных домов, построенных к приходу кораблей в конце 50-х годов. Но уже полным ходом шло строительство новых домов, и все чаще, на фоне неба можно было увидеть стрелы кранов и растущие вверх этажи многоэтажек.

Жилье строилось, но его все равно не хватало. Почти четыре месяца назад, полные надежд они приехали сюда. Неужели ничего не найдется для дослужившегося до капитан-лейтенанта офицера? Не нашлось! Заместитель командира по политчасти взял у Лаврова заявление о постановке в очередь на квартиру. Сказал, что он будет в дивизии четыреста шестьдесят седьмым.

– Как быстро движется очередь? – поинтересовался Лавров.

– Ну, человек десять в год, – буркнул Астапов, – если будут дети, что-нибудь придумаем! «Почти сорок семь лет ждать!» – машинально подумал Лавров.

Неделю жили в гостинице. Потом нашли одинокую, как им показалось, тихую и опрятную бабу Аню, лет шестидесяти. Она сдавала маленькую, на семь квадратных метров, комнату в своей двухкомнатной квартире, оставшейся от умершего мужа. Первое время было тихо. Наверное, баба Аня стеснялась постояльцев. Только по выходным у нее собирались подруги, ее же возраста, человек пять-семь. Выпив по стопочке, да много ли им надо, посудачив, начинали петь дурными голосами известные застольные песни: «Вот кто-то с горочки спустился», «Шумел камыш» и т. д. Заканчивалось застолье всегда одинаково: чьими-то слезами и громким воем о несчастной бабьей доле. К этому Лавровы привыкли. Они уходили гулять и приходили очень поздно, когда бражничающие бабки расходились. Однажды Люба пожаловалась, что ей приходится запирается в комнате от пьяных стройбатовцев, которым баба Аня продает самогон.

– А на что я буду жить, милоч? – оправдываясь, замахала руками старушка. Пришлось прибавить плату за квартиру. Скорее всего, баба Аня не отказалась от своего занятия, но солдатни в квартире больше не было. Володька и Люба уже привыкли к этой квартире. Люба решила даже устроиться на работу. Но опять пришлось искать крышу над головой. Как-то в воскресенье, воротившись с прогулки, они увидели открытые настежь двери своего жилища. Столпившиеся у входа соседи объяснили, что ждут приезда следователя, а бабу Аню, с проломленной головой увезли в госпиталь. В их отсутствие, в гости к старушке пришла ее дочь. Как было заведено – выпили. Потом дочь стала требовать деньги у матери. Получив отказ, дочурка ударила пустой бутылкой свою мамочку. Увидев, что та не подает признаков жизни, испугалась и бросилась бежать из квартиры. Бесчувственное тело обнаружила соседка, которую насторожила открытая настежь дверь. Приехавший следователь поинтересовался, кем они приходятся бабе Ане. Спросил, знают ли они что о происшедшем, и посоветовал сейчас же выехать с квартиры, так как ее будут опечатывать.

Они переехали в гостиницу. Только через неделю удалось найти новое жилье. Знакомый минер, с другого экипажа, уезжал на трехмесячную учебу в Питер. Семью повез с собой, благо, что сам ленинградец. Он даже был рад, что Лавровы поживут в их квартире. В поселке были нередки квартирные кражи.

И вот надо снова думать, куда переезжать. Вчера они неожиданно получили телеграмму, о том, что через неделю приезжает семья офицера. Весь вечер собирали вещи, потому что Лаврову в море и Любе одной придется искать квартиру, а если не удастся, опять поселиться в гостинице. Лавровы знали, что когда-нибудь это произойдет. Попытки найти другое жилье были безуспешными. Да и последнюю неделю Володьки вообще не было дома, корабль готовился к сдаче задачи Л-1 и выходу в море. Люба ходила в Дом офицеров на прием к Артющенко. Кто-то из знакомых женщин ей посоветовал, что если хорошо попросить у Александра Николаевича – квартиру дадут! Домой она вернулась расстроенная. Рассказала, что со слов начальника политотдела, квартиру они никогда не получают, потому что только семей с детьми на очереди больше трехсот человек. А когда она в сердцах сказала Артющенко про слухи в поселке о квартирах, в которых живет неизвестно кто, он накричал на нее. Правда, напоследок сказал, что если Лавровы найдут такую квартиру, то могут смело въезжать в нее.

– Пошли завтракать, уже семь, – почувствовав на плече Любину руку, услышал Лавров.

«Значит, все-таки разбудил, – подумал он, – если успела приготовить завтрак». Молча сели за стол. На душе было мутно. Володька вспомнил сон.

– Люб, сон такой странный приснился, будто кто-то дает нам квартиру!

– Вов, не надейся, – сочувственно улыбнулась Люба, – не сбудется, базарный день, к тому же тебе в море!

– Не везет! Даже хорошие сны почему-то с жизнью не складываются! – с наигранным сожалением в голосе произнес он. Люба вздохнула и ничего не ответила.

Собравшись, у двери они поцеловались.

– Ни пуха, ни пера, – сказала Люба.

– К черту! – не оборачиваясь, ответил он.

Только внизу, немного отойдя от дома, повернулся, чтобы посмотреть на знакомый балкон. Люба махала рукой, Володька ответил. Услышал:

– Жду! Все будет хорошо!

На остановку он пришел одним из последних. Несмотря на прошедшую субботу, почти весь экипаж был в сборе, но «коломбины» еще не было. «Коломбинами» почему-то называли все машины, оборудованные самодельными будками для перевозки людей.

«Надоело отдыхать? Рвутся черти в море!» – глядя на ожидающих машину подводников, лениво подумал он где-то слышанной фразой.

– Лавров! Подойдите к нам! – окрикнул его старпом, стоявший в группе военных, собравшихся возле командира корабля капитана 2 ранга Завирухина. Лавров подошел к обступившим командира корабля и старпома заместителю по политчасти Астапову, командиру БЧ-5 Сысуеву, командиру БЧ-4, РТС капитан-лейтенанту Тимченко, неизвестному ему мичману и поздоровался с каждым.

– Как отдохнули, Владимир Васильевич? – спросил командир.

– Ну, разве можно отдохнуть с молодой женой! – встрял в разговор Астапов.

Геннадий Викторович недовольно поморщился, он не любил, когда его прерывали.

– Мы решили дать Вам квартиру, – не дожидаясь ответа Лаврова, сказал он, – в экипаже Вы один бесквартирный! Увидев оторопевшее и ничего не понимающее лицо комдива-три, командир обратился к Тимченко:

– Александр Иванович, введите комдива-три в курс дела. Где-нибудь в сторонке. Пока мы тут свои дела решим!

– Есть ввести в курс дела! – ответил Тимченко, и потянул за рукав Лаврова. – Давай отойдем, Васильич!

– Познакомься, Бабин Сергей, мой хороший знакомый, – представил мичмана Шура, когда они отошли на несколько шагов.

– Мы вместе начинали службу на 675-х проектах, – продолжил он, – год назад все раскладушки перевели в Ракушку. Серега квартиру в Техасе на всякий случай не сдал. Надеялся вернуться назад. Не получилось. Сейчас он увольняется. Квартира здесь ему не нужна, хочет поехать на родину в Белоруссию. Для того чтобы получить квартиру там, ему нужно сдать ее здесь. Парень он хороший, поэтому решил передать жилплощадь нам, своим братьям-подводникам.

– Расскажи, что тебе для этого нужно! – попросил Тимченко Бабина.

Лавров напрягся, стараясь ничего не пропустить. Как он понял из рассказа Бабина, мичман появился здесь отнюдь не из-за горячего желания облагодетельствовать своих бесквартирных товарищей по оружию. Просто, сдать квартиру не такое легкое дело. Бабин уже был в политотделе дивизии у Артющенко. Тот посоветовал обратиться ему в КЭЧ гарнизона в поселке Тихоокеанском. Заместитель начальника КЭЧ, небезызвестная Звонарева, крашеная шатенка лет пятидесяти, сказала Бабину, что квартиру он может сдать технику-смотрителю квартирно-эксплуатационной части. Техник-смотритель, молодая самоуверенная девица, осмотрев помещение, заявила, что не может принять квартиру, так как здесь нужен серьезный ремонт. Бабин и рад был бы сделать ремонт, да только у него не было времени. Уже все было расписано с отъездом. На предложение заплатить деньгами, девушка ответила отрицательно, сказав, что КЭЧ таким ремонтом заниматься не будет. Понимая положение Бабина, она посоветовала найти человека, который примет его жилье. Можно и без ремонта. Только этот человек, должен иметь решение квартирной комиссии дивизии, о том, что жилье выделено именно ему. Встретив своего бывшего начальника, капитан-лейтенанта Тимченко, Бабин попросил его

найти такого кандидата. Александру не пришлось долго думать, он прекрасно знал, в каких условиях живет Лавров.

– Шура, а как я получу решение квартирной комиссии дивизии? Тем более, если Артюшенко не стал ею заниматься. Значит она уже не нашего соединения? – выслушав Бабина, спросил Лавров.

– Какое тебе до этого дело! Ты что, не знаешь, какие махинации они творят с квартирами, после того как их передали в распоряжение политорганов! – возмутился Тимченко. – Квартира уйдет каким-нибудь шлюхам, а ты с Любахой останешься под открытым небом! О ней ты подумал?

Лавров знал, что раньше распределение и учет жилых помещений находились в распоряжении квартирных комиссий кораблей. Жилья тогда всем хватало. Даже на несколько холостяков давали однокомнатную квартиру. Все знали, сколько квартир у экипажа и как ими распорядились, если жилец выехал. Но кто-то решил, что для усиления роли политотделов необходимо весь жилой фонд передать в их распоряжение. В точном соответствии с анекдотом про политработников, которым не нужно высшее образование! Достаточно знать два арифметических действия – отнять и разделить! Порядок будет, и советскую власть станут больше уважать. Но получилось наоборот. Жилья сразу стало хронически не хватать. В освобождающиеся экипажные квартиры все чаще почему-то вселялись неизвестные в дивизии гражданские. Не редки были случаи, когда холостяк, погуляв в веселой компании на квартире какой-нибудь одинокой подруги, вспоминал, что эта уютная квартирка когда-то принадлежала их экипажу. По соединению ходили слухи о том, что жилье раздается любовницам высоких начальников.

– Подумал, – ответил Лавров, – но ты не ответил на мой вопрос, как быть с решением квартирной комиссии?

– Мы уже обсудили это с командиром и замом. Приедем в Петровск и составим тебе решение квартирной комиссии. Только не дивизии, а корабля. С гербовой печатью! А дальше все зависит от твоей расторопности, количества коробок конфет и бутылок шампанского. Да что тебе рассказывать? Ты что не подводник?

– Что толку от моей расторопности, если завтра утром уходим в море!

– Владимир Васильевич! Как далеки Вы от народа и от источников информации! Двое суток стоим у стенки. Командир пообещал завтра утром отпустить тебя до обеда. Отстоишь подряд две ночных вахты и в дорогу!

Внимательно слушавший разговор Бабин, судя по выражению лица, все понимал с лету.

– Давайте договоримся, – предупредил он Лаврова, – если у Вас ничего не получится с получением документов о сдаче квартиры, я буду искать другого человека!

– Не трюнди! У него все получится! – одернул мичмана Тимченко. – Поможешь перенести вещи в свою бывшую квартиру! Понятно?

– Так точно! Все понятно товарищ командир боевой части! – улыбаясь, ответил Бабин, вытянувшись и шутливо взяв «под козырек».

Визжа тормозами, обдав всех пылевым облаком, на пяточок лихо влетела «коломбина».

– Сергей! Давайте Ваш адрес. Меня ждите дома. Я подойду к восьми за Вашими бумагами. Договорились? – достав ручку с блокнотом из приготовленного в море «дипломата», поспешил Лавров, видя, что посадка в фургон уже началась.

Бабин продиктовал адрес и, протянув на прощание руку, уточнил:

– У меня!

До самого корабля, трясаясь на ухабах в полумраке будки «коломбины», идя по коридорам санпропускника и спускаясь по трапу в центральный пост, Лавров думал о том, что ему предстоит. Мысли, как синусоида, то достигали максимума уверенности в успехе затеянного, то опускались до полного неверия.

Только с объявлением учебной тревоги для приготовления подводной лодки к бою и походу Лавров успокоился. Надо было работать. У него в заведовании не только дивизион, но и третий отсек. «Если что-то плохое должно случиться, то оно обязательно случится!» – вспомнил Лавров поговорку мудрого Марата Петровича! Казалось бы, пустячок, что при погрузке продовольствия, неделю назад, морячки случайно задели бочкой с подсолнечным маслом по зеркалу комингса рубочного люка. А выявилось все сейчас, во время проверки прочного корпуса на герметичность глубоким вакуумом. Часа полтора, пастой ГОИ будет шлифовать и проверять «на краску» зеркало комингса трюмный Кизылбеков. С подачей пара на испаритель и холодильные машины прибавились новые проблемы. Пришлось побегать по отсекам – не удастся улучшить анализы питательной воды. Матрос Ващенко, химик-водоподготовщик, с периодичностью в несколько минут, мечется между четвертым и седьмым отсеками. Наконец, все в норме, и комдив-три перемещается в девятый, где, как кажется интенданту Володе Шахисламову, плохо морозит провизионку фреоновая холодильная машина УФП-2. Там уже Якутов, старшина команды рефрижераторщиков, ругается с интендантом, из-за того, что тот, долго держит открытой дверь провизионной камеры.

Неизвестно сколько времени провозились с фреонкой, как по трансляции объявили об отбое учебной тревоги. Вслед за объявлением боевой готовности «№ 2 – надводная», «Каштан» голосом Сысуева вызвал его в ЦП:

– Пора на вахту, Владимир Васильевич!

Третий отсек встретил его тишиной и приятной прохладой.

«Градуса два температура рабочей воды, – решил Лавров, обратив внимание на закрытые напорные лючки системы кондиционирования, – можно выводить из действия носовую холодильную машину». Кроме командира БЧ-5 и вахтенного поста погружения-всплытия, в центральном посту находились старпом Рязанов и заступающий вахтенным офицером Тимченко.

– Принимайте вахту! Мощность реактора левого борта 25 %, правый реактор на МКУМ. Обе турбины в ТГ-режиме, принята нагрузка на оба турбогенератора. В работе обе холодильные машины, испаритель работает на питательную воду. Запас ВВД – 95 %. Радиационная обстановка в норме. Остальные запасы уточните при приеме докладов. О заступлении доложили все, кроме энергоотсеков, – сообщил командир БЧ-5, вставая из-за стола вахтенного инженер-механика.

– Михаил Тимофеевич, может, выведем испаритель и носовую холодильную машину? Сколько насосам крутиться? Анализы и температура в норме, – предложил механику Лавров, усаживаясь вместо него.

– Подождите, нас еще электромеханическая служба не проверила. Принимайте пока вахту!

Лавров нажал на тумблер вызова поста управления ГЭУ.

– Есть пульт, – ответил динамик «Каштана».

– Сколько Вас еще ждать! Чего тянете с приемом вахты?

С пульта, сделав большую паузу, ответили:

– Принимаем доклады!

– Журнал протечек ведете? – спросил Сысуев. Опять возникла пауза. Очевидно, не вели.

– Перед сдачей вахты отчитаетесь мне за воду, – пригрозил командир БЧ-5.

– А кто проверяет от ЭМС, – спросил у механика старпом.

– Я точно не знаю, но не дай Бог, если это будет Белоногов!

– Глубоко копает?

– Нет. Но на всех кораблях знают, стоит ему появиться, как при самом спокойном вводе обязательно что-нибудь случится!

– Что Вы там буровите, механик! – раздался из шахты люка возмущенный резкий голос, одновременно с показавшимися на уровне тубуса ногами в полуботинках на резинках. Запоз-

дало завершал «Каштан», и верхний вахтенный бодро доложил о прибытии на корабль капитана 1 ранга Белоногова – начальника электромеханической службы соединения.

Белоногов, высокий, еще крепкий, с поседевшими висками мужчины, лет сорока пяти-пятидесяти, в накинута на китель куртке «РБ», недобрым взглядом окинул находящихся в центральном посту и, не дожидаясь доклада, быстрым шагом двинулся в направлении носовой переборки 4-го отсека. Сысуев покраснев, подскочил с диванчика и бросился следом, но был остановлен НЭМСом:

– Меня не сопровождать, я сам разберусь, кто Вам приносит несчастья!

Переборочная дверь глухо ударила по переборке, ручка кремальеры бесшумно опустилась вниз. Помрачневший механик, не рискнув послушаться оскорбленного в лучших чувствах Белоногова, потоптался для вида у РЩ-1, и понуро поплелся назад, на свое прежнее место. В этот момент тишину отсека разорвал аварийный вызов «Каштана»: «Аварийная тревога! Пожар в четвертом отсеке, горит насос судовой гидравлики!» Лавров еще не успел до конца отбить рычажком звонковой сигнализации звенящую дробь аварийной тревоги, а вахтенный трюмный матрос Кизылбеков, закрыв кормовые клинкетные задвижки общесудовой системы вентиляции, уже подпирал плечом ручку кремальеры переборочной двери: «Кормовая переборка загерметизирована!» Объявить голосом по «Каштану» тревогу Лаврову не дали. Это сделал Сысуев, заняв его место. В это же время поступил аварийный запрос с пульта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.